

Геннадий Александров

Колесо *судьбы*

КИНОПОВЕСТЬ

Финикс,
Аризона

УДК 821.161.1-4
ББК 84(2=411.2)6-4
А 49

Александров Г.С.
А 46 **Колесо судьбы** / Киноповесть. – Воронеж: АО «Воронежская областная типография», 2018. – 102 с.

ISBN 978-5-4420-0646-9

© Александров Г.С., 2018

Содержание

Творческая биография.....	4
Колесо судьбы.....	5
Долгий разбег.....	41

Творческая биография

Впервые в истории советского кино профессиональный композитор Александров Геннадий Сергеевич выступил в качестве режиссёра-постановщика игрового полнометражного фильма «Маленький мститель», который был показан на международном кинофестивале «Чистые пруды» (1992). Среди основных сочинений как композитора: балеты «Золотая лань» (1969), «Али Баба и 40 разбойников» (1972), кантата «Мир входящему» (для хора и оркестра, 1964), три симфонии для симфонического оркестра (1967, 1969 и 1971), симфоническая поэма «Возрождение земли» (1971), балетная сюита (1970), концерт для рубаба с оркестром (1971), струнный квартет (1963), сюита для оркестра народных инструментов (1967), музыка для театра и кино, романсы, также написал много произведений для цирка. Большой популярностью пользуются песни Геннадия Александрова из кинофильмов «Новые сказки Шахерезады», «Джура – охотник из Мин-Архара». Член Союза кинематографистов, член Союза композиторов. Является автором повестей «Дети орешника», «Долгий разбег», «Колесо судьбы». С 1997 года живёт в США, штате Аризона, городе Финикс. Отзывы и пожелания, а так же связаться с автором вы можете, отправив письмо на электронный адрес: genaguru5@gmail.com.

КОЛЕСО СУДЬБЫ

Живописный посёлок приютился на обочине дороги. Редкая машина протарахтит мимо, повизгивая тормозами, и опять тишь, благодать, полудрёма под аккомпанемент хора птиц и переклички перепелов. В этот фон вплетается ритмичная мелодия, первоначально робко, затем завоёвывая новые позиции. Воздух заполняют звуки ударных инструментов, на фоне которых звучат флейты, саксофоны, гитары, вплетающиеся последовательно в ритмическую ткань. Мелодия бежит по улочкам, по крышам и верхушкам деревьев, завораживая своим эмоциональным ритмом.

На подоконнике стоял магнитофон, включённый на всю мощь своих динамиков, из которых билась терпкая мелодия. Рядом была девочка лет восьми, которая с закрытыми глазами самозабвенно танцевала импровизацию. Её маленький гибкий стан изгибался в ритме музыки, подчиняясь капризным модуляциям. Мелодия обрывается, но тело девочки продолжает в экстазе извиваться... ещё один штрих... и ещё... Не хватило музыки для стройного завершения танцевальной композиции.

— Дарья! Даша-а-а-а! — звала мама танцовщицу. — Хватит танцевать, иди завтракать... и быстро в школу.

Девочка бежит по живописным улочкам с портфелем в руке, преследуемая мелодией. Останавливается. Пробует новое движение и опять продолжает путь под мелодию, которую слышит только она.

Проводив девочку в школу, мама вернулась на кухню, где торопливо доедал свой завтрак молодой мужчина с редкой проседью на висках.

— Саша, как ты думаешь, не пора ли нашу дочь отвезти в город?.. Я прочла в газете, что городской Дом культуры про-

водит набор в детский танцевальный коллектив, — спрашивала мать.

— Девочка ещё совсем маленькая. Пусть подрастёт... Окрепнет... А там видно будет, — пробурчал отец.

— Но в газете напечатано, что принимаются дети с семи лет.

Нескончаемый поток машин. Спешащие пешеходы. Лица... лица... лица... Девочка с отцом в водовороте толпы. Она стремится заглянуть в глаза прохожих, но лица-маски одинаково равнодушны. Шум улицы растворяется в наплыве знакомой мелодии. Тема музыки разломлена на фразы с тяжёлыми акцентами, отвечающие ритму большого города. Девочка стремится сделать движение соответственно темпу. Руки, глаза, изгиб спины..., но тщетно. Отец девочки что-то говорит. Глаза отца... Глаза девочки... Взгляды прохожих... Наплыв городского шума вытесняет мелодию. Девочка возвращается в реальность.

— Дарья, ты можешь хотя бы на улице не танцевать? — спрашивал отец.

Фасад Дома культуры. Саша с дочерью заходят в здание, наполненное волшебными звуками. Словно ветерок, пролетел пассаж флейты. Следом за ней вдогонку фортепианное арпеджио разбилось о золочёные люстры холла. Вкрадчиво выполз из темноты глоссандирующий тромбон, и тут же, испугавшись барабанной дробы, растворился в тяжёлых оконных шторах. Слышатся команды репетитора-балетмейстера, ей вторят танцевальные ритмы в исполнении аккомпаниатора. Девочку сопровождают приветливые взгляды популярных актёров, портреты которых висят на стене ярко освещённого холла. Дверь с табличкой «Танцевальный ансамбль» открывается перед Дарьей и вводит её в мир танца.

Группа девочек делает синхронные движения под музыку. Девушки постарше разминаются у бруска в плавных движениях

ях. Руководитель обращает внимание на одиноко стоящих, растерянных посетителей. Она подходит к ним и приветливо улыбается. Через танцующих видно, что идёт серьёзный разговор.

— Подойди ко мне, девочка, не бойся,— обращается к Дарье молодая, с приветливым лицом женщина.

— А я не боюсь.

— Как тебя зовут?

— Дарья.

— Что ты нам, Даша, покажешь?

После недолгих раздумий девочка ответила:

— Я буду танцевать ОБЛАКО.

Руководитель подошла к концертмейстеру, и после короткого диалога пианист улыбнулся, согласно кивая головой.

Услышав волшебные звуки мелодии, девочка начинает танцевать. Все вокруг затихают, наблюдая за Дарьей, которая самозабвенно плетёт кружева необычной композиции. Через лица наблюдающих видны сопереживания маленькой танцовщице, её проникновенной импровизации.

Репетиции... репетиции... зал... зеркала... фигуры танцовщиц... упражнения... тренажи.

Стройная девушка, с большими внимательными глазами, настойчиво повторяет сложное танцевальное движение. На лице усталость, испарины пота на лбу, шее.

— Дарья, сделай небольшой перерыв. Отдохни. Потом сосредоточь своё внимание на переходе от АДАЖИО к АЛЛЕГРО. При этом не напрягайся. Зафиксируй всё это в своём сознании,— говорила руководитель ансамбля. Годы наложили на неё отпечаток в виде седой пряди волос на висках, но, в общем, это молодая женщина, только движения её стали более экономными, речь более лаконичной.

Дарья садится прямо у станка на пол, расслабляет мышцы. Закрывает глаза. Наплыв всё той же мелодии, знакомая комната из детства, тот же магнитофон на подоконнике, но танцует взрослая девушка. Её движения отточены, мышцы тела упруги. Изящество и совершенство сохраняются даже при самых сложных телодвижениях. Мелодию постепенно вытесняет шум репетиционного зала.

Дарья легко сбегает по ступенькам, выбегает на площадь перед зданием Дома культуры и кружит в объятиях молодого человека импозантной наружности.

Пара подходит к машине. Молодой человек предупредительно открывает дверь перед спутницей, садится за руль, и машина исчезает в транспортном потоке.

За всем этим эпизодом наблюдает юноша с большими печальными глазами, с зачехлённой гитарой в руке. А машина продолжала свой путь по городу. Игорь что-то говорил на ухо Дарье. Запрокинув голову на спинку сиденья, она заливисто смеётся. Машина подъезжает к дому. Дарья легко выпрыгивает из неё и, подбегая к двери, на мгновение оглядывается со счастливой улыбкой на лице. И, как следствие, то же самое отражается на лице Игоря.

С тех пор, как семья Дарьи переехала в город, их быт поменялся. Комнаты занимала недорогая современная мебель. На стенах ковры. В центре портрет отца в траурной рамке. Мать после его смерти как-то сразу сникла, постарела и ещё сильнее привязалась к дочери.

— Ты кушать будешь? — спрашивала она, встретив дочь ласковым взглядом.

— Чуть позже, — раздеваясь на ходу, ответила Дарья.

Надевает халат и проходит в ванную, где долго плещется, напевая свои любимые мелодии. Раскрасневшаяся и посвежев-

шая после душа, она садится к журнальному столику и, раскрыв книгу, погружается в чтение. Дочитав страницу, захлопывает её. Поднимая голову, встречается со взглядом отца на портрете. Наплыв музыкальной темы из детства.

Дарья идёт рядом с отцом, заглядывает ему в глаза, но его лицо непроницаемо, глаза неподвижны. Она под ломаный ритм мелодии детства начинает отчаянно танцевать абстрактную композицию. Музыка медленно растворяется в сидящей с закрытыми глазами танцовщице, на её лице следы пережитого танца.

Утром стоял автобус на площади Дома культуры с развешанной внутри атрибутикой танцевального ансамбля. Девушки оживлённо обсуждали предстоящие съёмки в новом кинофильме. В стороне, обособленно, стояли музыканты танцевального ансамбля, среди которых выделялся гитарист с большими печальными глазами, внимательно следившими за дорогой. Подъезжает такси, из него поспешно выпрыгивает Дарья. Глаза юноши теплеют.

Шум... Движение... Все садятся в автобус.

Живописные посёлки, утопающие в зелени, проносятся мимо, словно декорации из сказочного фильма. Дарья в окне автобуса провожает взглядом мелькающие деревья. Наплыв музыкальной темы из детства звучит ностальгически. Дарья-девочка в плавном танце. Её маленькие косички — словно веточки ивы над тихой водой. Мелодия растворяется в гудении мотора, возгласах и смехе танцовщиц. И только два человека не принимают в нём участия: Дарья и юноша с печальными глазами.

Автобус въезжает на территорию съёмочной площадки. Идёт подготовка к съёмкам. Среди декораций, воссоздающих седую старину, работают художники, осветители, ассистенты и помощники режиссёра. Первой из автобуса выходит руководительница. К ней подбегает ассистент. Короткий диалог – и деву-

шек разбирают костюмеры и гримёры. Дарью одевал художник по костюмам, рядом стоял гримёр, дожидаясь своей очереди.

— Внимание! Приготовиться к съёмке, — подаёт команду помощник режиссёра.

Обслуживающий персонал быстро покидает съёмочную площадку.

— Мотор! Камера! Начали!

Дарья в старинном одеянии танцует «Танец огнепоклонников». Среди горящих костров появляются фигуры танцовщиц. В грациозных движениях они растворяются и вновь появляются в дымке костров. Седые старцы в ритуальной молитве производили ритмические движения, являясь контрапунктом к танцу девушек. Раздаётся команда «Стоп!.. Снято!» Тут же на площадке ринулись костюмеры и гримёры, словно секунданты на боксёрский ринг, и со знанием дела подготавливали своих актёров к следующему раунду съёмки.

— Приготовиться ко второй танцевальной сцене, — прокричал в мегафон помощник режиссёра.

Моментально площадка опустела. Поспешно покидали её гримёры, делая последние штрихи на лицах актёров.

Пронзительная музыкальная прелюдия подчиняла себе всё пространство съёмочной площадки. Юноша с печальными глазами поёт песню о судьбе. Взгляд его устремляется в сторону изящной фигуры Дарьи. В его голосе новые интонации, в которых и тоска, и светлая грусть, и мечта о счастье любить. Танцовщица заряжается его проникновенным голосом, и она уже в образе танца вместе с ансамблем плетёт плавные узоры на фоне пронзительного голоса юноши с печальными глазами.

Вновь автобус в темноте мчит по зелёной тоннели утомлённых артистов.

Репетиционный зал... Команды репетиторов... Пластика тел... Потные лица.

— Дарья, тебя к телефону!

Немой взгляд в сторону руководителя ансамбля, и она выбегает к телефонному аппарату, нетерпеливо подносит трубку к уху.

— Дарья, здравствуй, любимая! Сто лет я тебя уже не видел. Мне уже дома говорят, что скоро потеряю невесту, если не предприму какие-то действия.

— Игорь, милый! Я так скучаю по тебе!.. Но ты сам понимаешь... Договорные концерты.

— Но сегодня я тебя, наконец-то, увижу?

— Конечно, мой дорогой. В восемь, как всегда, на том же месте... До встречи.

— Пока.

Печальные глаза юноши наблюдали весь этот эпизод.

Игорь в ожидании нетерпеливо поглядывает на часы. Недалеко в томительном ожидании стоит с цветами пожилой мужчина, неуклюже переминаясь с ноги на ногу. Наконец подбегает запыхавшаяся Дарья.

— Ох! Этот наш общественный транспорт... Ни автобуса... Ни такси.

— Дарья, сегодня киностудия утвердила мой сценарий. Мы решили это дело отметить. Нас ждут друзья в «Восточном баре», — радостно сообщил Игорь.

Отступив на шаг и молитвенно сложив руки, Дарья сделала несколько поклонов в его сторону, шутливо запела: «О-о-о-о, великий Игорь! О-о-о-о, выдающийся сценарист! О, надежда российского кино! Прими мои поздравления!» — куражилась она. В ответ Игорь принимает шутовскую позу и делает несколько ответных реверансов. Отыграв сцену, они рассмея-

лись и, взявшись за руки, растворились в спешащем людском потоке.

Зал кафе. Красочно оформленный интерьер. На эстраде ансамбль играет популярную песню. Танцующая молодёжь. Игорь и Дарья, ловко лавируя между танцующими, приближаются к сдвинутым столикам. Навстречу им поднимаются друзья, делают ряд остроумных замечаний в адрес опоздавших, затем шумно садятся за стол. Лидерство за столом захватывает рослый молодой человек. Он разливает по бокалам шампанское, затем, постукивая ножичком по тарелке, просит слова.

— Дорогие друзья! Сегодня мы чествуем молодого талантливого драматурга, сценариста. Прямо скажем, в наше непростое время ощущается острый недостаток киносценариев с принципиально новым критическим взглядом на все негативные явления в нашем обществе. Сейчас требуется переосмысление предшествующего времени. Принципиально новые мысли и предложения, чтобы вывести наше общество из кризисного состояния.

— Ну, Юра... Затянул шарманку... — откликнулся один из друзей.

— Заканчивай, а то шампанское начало испаряться, — заметил блондин, рука которого застыла с бокалом в воздухе в томительном ожидании.

— А если серьёзно, так надоела трескотня, — продолжал Юра. — Давайте выпьем за Игоря, за его прекрасную невесту — Дарью. Чтобы вам везло. Чтобы вы всегда ощущали приятную тяжесть в кармане.

— Ну, вот это другое дело, — загудела компания, чокаясь с виновником торжества.

Музыканты заиграли ритмичный танец. Мужчины встали со стульев, приглашая своих подруг. Самозабвенно танцует Игорь под ярким светом счастливых глаз Дарьи.

— Игорь, я тебя люблю, — говорила Дарья.

— Ты не представляешь, как я счастлив, — отвечал он.

А музыка продолжала своё чарующее действие. Дарья и Игорь растворяются в толпе танцующих, по ним видно, что они счастливы, молоды и красивы.

Танец заканчивается, все шумно расходятся по своим местам. Игорь, возбуждённый ритмом танца и близостью любимой, поднимает бокал. Друзья смолкают.

— Дорогие мои! Сегодня у меня действительно знаменательный день. Мой первый сценарий увидит экранизацию. Но... Но я не об этом... В общем, мы с Дарьей осенью поженимся, — смущённо добавил Игорь. — По этому поводу я приглашаю вас в следующее воскресенье в загородное кафе «Охотник». А сейчас я хочу предложить поднять этот бокал за Дарью... За её талант.

Все чокаются, шумно поздравляют Дарью и Игоря. Ансамбль заиграл лирическую мелодию.

— Потанцуем, Дарья... — предложил Игорь.

— Ты знаешь, у нас сегодня была такая сложная съёмка, я сильно устала. Давай просто посидим.

Пальцы Дарьи вплетаются в ладони и пальцы Игоря. Начинается диалог влюблённых рук, который переходит к их глазам, губам. Всё это резко прерывает низкий голос.

— Разрешите вашу даму на танец?

Игорь поднимает голову и встречается взглядом с лоснящейся круглой физиономией, со шрамом через всю щеку. Эта физиономия от чрезмерно выпитого спиртного покачивалась на бычьей шее, словно голова гюрзы, приготовившейся к атаке. Не дождавшись ответа, физиономия с растянутой во всё лицо улыбкой протянула свои руки по направлению к Дарье, как бы приглашая броситься в его объятия. Лицо Игоря помрачнело, и он предложил незваному ухажёру убраться на

своё место, на что физиономия разразилась угрозами и бранью. В это время подоспели Юра с друзьями и водворили новоявленного ухажёра на своё место. Он ещё некоторое время возмущался соседям по столу, затем, залпом выпив бокал вина, внезапно сник и затих. Вечер был испорчен, беседа не клеилась.

— Давайте прогуляемся по скверу, — предложил Юра.

Все дружно поддержали это предложение.

Летняя ночь располагает к медленному вязкому разговору. Компания, разделившаяся по интересам, вела вялые разговоры и в процессе продвижения постепенно таяла по парам и в одиночку. Дарья и Игорь шли по тенистой улочке, освещённой тусклыми фонарями.

— Дарья, а ты ещё ни разу не была у меня во флигеле. Я его так здорово оборудовал. Идём, посмотришь.

— Ой! Что ты, Игорь, уже поздно, завтра опять съёмка.

— Но мы ненадолго... Идём.

Большой дом зажиточной семьи. Большие железные ворота. Игорь тихонько открывает дверь, но, несмотря на предосторожности, она жалобно завизжала на весь двор. Взбрехнула собака, но, узнав своего хозяина, тут же притихла. Элегантные бра высветили со вкусом обставленный интерьер комнаты. На стенах плакаты — рекламы фильмов. В углу набор атлетических снарядов. Игорь включает музыкальный центр, а сам удаляется на кухню приготовить чай. Дарья медленно обводит взглядом весь интерьер. В глазах её лучится чистота, но при виде большой, устланной ворсистым покрывалом тахты на её лице появляется тень страха с оттенком любознательности.

Из кухни доносится голос Игоря:

— Ну как? Нравится?

— Да. Очень! У тебя здесь так уютно, и так всё со вкусом расставлено.

Входит Игорь и катит перед собой коляску с фруктами и различными сладостями.

— Сейчас мы с тобой будем пить чай...

Игорь оборвал свою мысль на полуслове, его взгляд остановился на Дарье, которая сидела в чуть освещённом углу и походила на древнюю миниатюрную статуэтку. Наплыв нежности растворил его волю, и руки потянулись к её рукам. В тональности музыки начался долгий диалог рук, глаз, губ. Большое лирическое ПА-ДЕ-ДЕ двух любящих сердец.

Утро. Лица Дарьи и Игоря чуть тронуты улыбкой. Они ещё досматривают свои счастливые сны. За окном призывно запел перепел.

Дарья медленно открывает глаза. Её взгляд скользит по интерьеру флигеля, освещённого утренними лучами солнца, и останавливается на лице безмятежно спящего Игоря. Чтобы не разбудить его, Дарья бесшумно выскользнула из-под одеяла и быстро оделась. В дверях она ещё раз останавливает свой взгляд на лице Игоря, и глаза её теплеют той ласковостью, которая присуща только влюблённой женщине.

Опять дорога. Салон автобуса. Атрибутика танцевального коллектива. За оконным стеклом автобуса Дарья. В её глазах отражаются зелень деревьев, причудливые рисунки облаков. Гул мотора растворяется в мелодии из детства. Танцующий силуэт девочки. Пируэт — Дарья-девочка, ещё пируэт — и Дарья взрослая, пируэт — Дарья парит в танце над ущельем, горами, в облаках. Мелодия ускоряет свой ритм, приобретая фантазматическую окраску — горы, облака, интерьер флигеля, губы, глаза, руки, расплывчатые контуры женского и мужского тела. Всё это по спирали закручивается и утопает в мириадах звёзд. Под мирный гул мотора Дарья возвращается в реальность.

За окном автобуса лицо Дарьи и печальные глаза юноши.

Автобус въезжает в старинное село и останавливается у полуразрушенного памятника архитектуры, на котором декораторы делали различные достройки для съёмок фильма.

Разминаясь на ходу, участники ансамбля выходят из автобуса. Кто-то зовёт директора картины. Заспанное лицо объявляет, что он с утра уехал за реквизитами в соседнее село. Наконец, прихрамывая, появляется молодой человек с помятым лицом и подтверждает, что директор с утра уехал и свои полномочия передал ему. С притворной улыбкой на лице он обходит участников ансамбля, стремясь поздороваться с каждым за руку.

— Я администратор картины, Евгений,— представился он.
— Директор фильма поручил мне встретить вас и разместить в гостинице. Режиссёрская группа приедет для ночных съёмок во второй половине дня.

Весь коллектив следует за администратором, который приводит их к ветхому строению, приспособленному под гостиницу. На неухоженном дворе перед входом в строение стояли в ряд железные умывальники с уныло свисающими сосками. Один из участников ансамбля пробует надавить сосок, чтобы освежить лицо водой, но в ответ слышится звонкое постукивание соска о пустое днище умывальника.

Номера гостиницы с двумя рядами железных коек напоминали скорее всего казарму заброшенной воинской части.

Участники съёмок, пристроив реквизит, решили освежиться в душевой, но табличка на дверях гласила, что подача воды производится в определённое время. Все как-то сникли. Коллективу и до этого приходилось бывать в сложных бытовых условиях, ютиться в палатках и в бытовках, но эти съёмки проходили в старинном городке, и коллектив предполагал более комфортные условия проживания. Часть людей прямо в одежде легли поверх покрывала, другая часть пошла посмотреть местные достопримечательности и археологические раскопки.

Дарья села на койку, достала из сумочки маленькое зеркальце и стала разглядывать усталое лицо. Её взгляд панорамирует по ресницам, бровям, по гладкой коже лба, щекам... Очертания расплываются. Звучит мелодия детства в лирической интерпретации. Глаза, губы, брови, но это уже не её лицо... Это всё — дорогие черты Игоря.

А в вечерних сумерках суетится в декорациях съёмочная группа, устанавливается свет, расставляется реквизит.словно пчелы на сотах, висят на камере ассистенты оператора. Задумчиво ходит режиссёр, устремив отрешённый взгляд в пространство. Подается команда: «Приготовиться к съёмкам». Помощница режиссёра объявляет номер кадра, хлопает хлопучкой и кокетливо покидает съёмочную площадку. Начинается съёмка очередного эпизода.

И опять дорога. Салон машины. Юноша с печальными глазами тоскливо поёт о неразделённой любви.

Репетиционный зал. Упругие натренированные тела у тренажёров. Команды репетиторов. Дарья настойчиво повторяет сложное танцевальное движение.

Звонит мобильник. Дарья в изящном движении достаёт из рядом лежащей сумочки телефон.

— Алло... Игорь... Что ты молчишь?

— Я тебя люблю, Дарья.

На лице Дарьи появляется счастливая улыбка.

— Мог бы и поздороваться.

— Я тебя люблю, и отныне это будет моё «здравствуй». Ты не забыла? Сегодня едем в загородное кафе. Одень самое красивое платье, моя любимая, и приготовься принимать поздравления от наших друзей. Уже скоро будем вместе... Навсегда.

— Игорь, я сейчас расплачусь от счастья. А у меня ещё классический танец и час репетиций.

— Вечером на том же месте?

— Да, дорогой. Пока.

Дарья и Игорь в машине. За рулём сидит Юра. Ветер развеивает волосы Дарьи. Она изящным движением стремится водворить причёску на место, придать ей первоначальный вид, но ветер с не менее упорной настойчивостью вновь раскидывает волосы по лицу. Они о чём-то говорят, но мы их не слышим. Диалог счастливых молодых людей, движения рук, наклоны головы, лучезарная улыбка. Машина подъезжает к загородному кафе, которое приютилось на живописной опушке леса. Молодые люди проходят в зал, где их восторженно встречают друзья.

— О! Даша, у тебя потрясающее платье. Где это ты его достала?

— От Юдашкина. Фирма! Юра достал, представляешь, и всего лишь пятьдесят долларов сверху.

Девушки окружают Юру — высокого, симпатичного, несколько застенчивого молодого человека, внешний облик которого говорит о том, что он вхож в самые престижные тусовки. Они поспешно записывают его телефон. Он же искренне обещает всем помочь. Дарья счастлива. Отвечая невпопад своим подругам, она не упускает из вида Игоря. Игорь в свою очередь в оживлённой беседе с друзьями периодически бросает ласковый взгляд в сторону Дарьи. Юра приглашает всех к живописно сервированному столу.

— Дорогие друзья! Откупоривайте бутылки и разливайте шампанское по бокалам. Первым просит слова «блондин» в форме майора.

— В первую очередь я прошу извинения у виновников торжества за свою непарадную форму. В силу обстоятельств пришлось приехать сюда прямо с работы. Это, я думаю, вы мне великодушно простите.

Дорогие друзья! — продолжал он. — Символично... что мы, здесь сидящие, все наши удачи, успехи, знаменательные даты отмечаем вместе, чтобы поделиться своим счастьем. Вы знаете, что если счастлив друг, ты счастлив вместе с ним вдвойне. Мы с вами имели возможность видеть, как счастливы в своей любви Дарья и Игорь. В моей работе, где часто приходится иметь дело с подонками и в процессе службы непосредственно сталкиваться с низостью, подлостью и предательством, я вновь и вновь обращаю свой взор на этих людей. Ибо их взаимоотношения, их любовь — это родник, который вдохновит ещё многих из нас своей живительной силой любви и доброты. Я предлагаю поднять эти бокалы за их любовь и светлые чувства. Когда женитесь, ребята, не забывайте нас, потому что мы все вас любим.

Зазвенели бокалы. Вступил в игру инструментальный ансамбль. Дарья и Игорь вышли на площадку и под мелодичную вязь начали свой пластичный танец. После гитарного пассажа зазвучал пронзительный голос. Дарья вздрогнула и повернула голову в сторону поющего. На неё смотрели большие печальные глаза... Они пели... Они пели для неё... Но почему его голос, в такой счастливый для неё день, звучит так печально?

«Каждый рождается со своей судьбой,
И он должен пройти по этой извилистой
Тропинке свой путь до конца.

Этот путь предначертал Господь для каждого,

И каждый от колыбели идёт по этой тропинке СУДЬБЫ!».

Ансамбль кончил играть. Дарья села за стол, лицо её погрузнело.

— Дарья, что с тобой? Что это вдруг у тебя настроение упало?

— Ты знаешь, Игорь, у меня какое-то нехорошее предчувствие... Не знаю... ты понимаешь... я так счастлива, но не может быть, чтобы одному человеку было дано столько счастья.

Я чего-то боюсь. Я боюсь потерять тебя... Я всего стала бояться... Я стала суеверной.

— Да что с тобой?! Дарья, ну смотри. Вот он я... Вот ты... Разве может что-нибудь помешать нашему счастью? По-моему нет такой силы. Ну... идём танцевать.

Оркестр заиграл весёлую танцевальную мелодию. Через некоторое время Дарья и Игорь вновь счастливые. В ритме танца мелькают их глаза, руки, изящные ноги Дарьи, улыбки.

Возбуждённая и шумная компания выходит из кафе и расходится по машинам. Накрапывал мелкий назойливый дождь. Мрачные чёрные тучи ползли по небу, задевая своими мохнатыми лапами макушки длинноствольных деревьев, разбрызгивая при этом колючие капли дождя. Дарья посмотрела вверх на облака, зябко съёжилась и прижалась к Игорю. Ей захотелось вернуться в тёплое здание кафе и опять слышать возбуждённые голоса вперемешку с ритмичной музыкой. Она невольно потянула Игоря назад к дверям. Он вопросительно посмотрел на её встревоженное лицо.

— Что с тобой, любимая?

— Не знаю. Я чего-то боюсь.

— Ты моя прелесть! Сейчас поедем ко мне. Тебя ждёт наш уютный флигель. По-моему у тебя синдром усталости. В последнее время ты очень много работаешь,— говорил Игорь, прижимая к себе зябнущую Дарью.

— В этом месяце, по-моему, это первый дождь. Да такой сильный,— говорит Юра, глядя на небо.

— В это время года летом часто бывают дожди,— отвечал «блондин».

— Игорь, мы поедем в машине Михаила. Я немного выпил и свою машину оставляю здесь, у друга. Понимаешь, дорога не освещённая..., да ещё дождь, асфальт мокрый. Рисковать не буду,— сообщил Юра.

Все садятся в машину Михаила.

— Благодарите Бога, что у меня язва и нельзя пить, а то бы пешком пришлось добираться или на попутке, — заявил Миша, забираясь в машину. — Сейчас я вас с ветерком прокачу, как в предсвадебное путешествие.

— Ты, Миша, будь осторожен. Сам понимаешь, асфальт мокрый и темень, хоть глаз выколи, — предупреждал Юра.

— Не волнуйтесь, я был в своё время участником ралли. Да-а-а. Было такое время. Держитесь за мной! — кричал Миша водителям других машин.

Весь кортеж тронулся и растворился в тёмной зелёной тоннели. Фары машин при поворотах высвечивали мохнатые лапы развесистых елей. В их свете появлялся то гигантский старик с бородой, то причудливый профиль какого-то неземного существа. Редкий кустарник на обочине дороги казался растительностью на головах чудовищ. Дарья зябко прижалась к Игорю.

— Миша, включи музыку, а то от тоски сам запою, — взмолился Игорь.

Зазвучала песня «Колесо судьбы», она была печальной и эхом уходила вглубь леса, растекаясь ручейками по тропинкам судьбы. Стало ещё тоскливее. Миша посмотрел в зеркало и удовлетворительно отметил, что друзья изрядно поотстали на своих машинах.

— Ты что, хочешь, чтобы плакали в такой день? Миша, имей совесть. Включи что-нибудь другое.

— Сейчас будет музыка то что надо, — ответил он и потянулся за новой кассетой.

В это время за поворотом мелькнули габаритные огни стоящей машины. Миша резко повернул руль, машина, визжа тормозами, заскользила по мокрому асфальту и выкатилась на встречную полосу, по которой, сигналив и мигая фарами, мчался рефрижератор, его тормоза запели дуэтом с тормозами машины Михаила. Казалось, что этот дуэт будет длиться бесконечно. А песня продолжала

ла звучать, завоёвывая всё новые высоты. Расширенные зрачки Дарьи в свете фар рефрижератора. Раздался лязг, звон разбитого стекла, крики. Машина несколько раз перевернулась и ударилась о бетонный придорожный столб. А песня эхом разносилась в лесу, повествуя о судьбах. Движение фигур, неясные очертания людей в свете фар. Подъехавшие друзья выносят из машины безжизненные тела Дарьи и Игоря.

На обочине дороги сидел окровавленный Михаил. Юра, прихрамывая, с ссадинами на лице просил осторожно нести Дарью и Игоря. Дарья открыла глаза. А песня о судьбе всё звучала и звучала, расплываясь в очертаниях друзей. Её вытесняет мелодия детства, и уже Дарья парит в медленном танце над лесами в облаках. Флигель... Ночник... Мелодия песни тает, растворяя в себе неясные очертания тел.

Дом Игоря. Ухоженный двор. На длинном столе разложена кутья и различные блюда, которые должны иметь место на седьмой день после похорон. В стороне сидел осунувшийся и обросший Юра. Окружённый друзьями, он отрешённо смотрел влажными глазами на окружающих, периодически прикладывая к ним платок. Миша, с гипсом на руке, вёл тихий разговор с рядом сидящими.

— До сих пор не пойму, как это случилось... Вроде и скорость у меня была небольшая, но эта чёртова машина... она так неожиданно показалась из-за поворота... Да ещё этот мокрый асфальт... Лучше бы я умер вместо Игоря. Теперь не знаю, как смотреть людям в глаза. Ведь они были так счастливы! Они так любили друг друга! — всхлипывал Миша.

Юра нервно закурил сигарету.

— А как Дарья? — спросил пожилой мужчина. — Она знает о смерти Игоря?

— Нет, она в реанимации. До сих пор без сознания. Врачи

говорят, что в критическом состоянии. У неё черепно-мозговая травма, да ещё перелом ключицы, — отвечал человек с породистым лицом.

Длинный обшарпанный коридор «неотложки». Целенаправленная суета, которую можно наблюдать только в медицинском учреждении, где всё подчинено единому ритму — ритму биения сердца больного. На каталке привозят больного в операционную, пострадавшего, видимо, в автоаварии, рядом с каталкой бежит медсестра с капельницей в руках. Каталка исчезает в чреве операционной, оставив за дверьми родных и близких пострадавшего.

Явно перенаселённые, но чистые палаты. В проёмах дверей мелькают загипсованные ноги и руки.

Печальная картина человеческого гения, создавшего почти всё для цивилизованной жизни, обернувшегося против него страданиями.

Медленно открывается дверь одноместной палаты. Постепенно вырисовывается лицо Дарьи, забинтованное и спеленатое, словно кокон шелкопряда. Резко очерченная синева под глазами, длинные бархатные ресницы, матовая бледность лица. Специфические звуки реанимационных приборов.

Входит в палату группа врачей во главе с ведущим реаниматологом. По манере говорить в нём наблюдается учёный муж, руководитель большого коллектива. Ведущий врач чётко докладывает руководителю историю болезни больной. Руководитель, внимательно дослушав её, задаёт несколько лаконичных вопросов. Получив исчерпывающий ответ, он подходит к Дарье и берёт её за руку.

— Больная приходила в сознание? — спросил руководитель.

— Нет, ясного сознания не наблюдалось. Она почти постоянно бредит и зовёт какого-то Игоря.

Как бы в подтверждение этому лицо Дарьи дрогнуло, исказилось гримасой. И её губы прошептали: «Игорь». Ресницы Дарьи медленно приподнялись, и в помутневшем зрачке появились мутные очертания Игоря. Дыхание её участилось, она вскрикнула. Образ Игоря растворился в зрачке, уступая место сосредоточенному лицу руководителя.

В скромно обставленной ординаторской руководитель внимательно рассматривает снимки черепа Дарьи, указывая ассистентам на какие-то детали, при этом коллеги оживлённо перебрассывались специфичными фразами латинской терминологии. Ведущий врач внимательно выслушивала мнения консилиума, подтверждая или отрицая те или иные версии.

— В целом, по-моему, прогноз благоприятный, — продолжал руководитель, — со стороны мозга каких-либо органических изменений не наблюдается. Небольшая трещина в височной области, и последующее кровоизлияние образовало небольшую гематому, которая давит на двигательные центры. Отсюда наблюдается порез конечностей. Думаю, что после проведения лечебного курса гематома будет постепенно рассасываться, и двигательные функции конечностей восстановятся. Анализы показали, что больная находится на втором месяце беременности, и мы имеем ограниченные возможности применения лекарственных препаратов, чтобы не навредить младенцу. В связи с этим будьте очень внимательны при назначении процедур и лечения.

Поговорив ещё некоторое время о состоянии младенца в перспективе и о возможных осложнениях после травмы, врачи постепенно расходятся по своим рабочим местам.

Вновь одноместная палата Дарьи. Раннее утро. У окна, на дереве, деловито чирикают, о чём-то повествуют воробьи. Раскрытые глаза Дарьи панорамируют по интерьеру палаты. Взгляд останавливается на красивом букете цветов. Глаза её те-

плеют и продолжают своё движение к следующему окну. Зрачок расширяется, в остановившемся взгляде — расплывчатое изображение Игоря. Лицо искажается гримасой и покрывается испариной. Вновь зрачок, но в нём уже лицо юноши с большими печальными глазами. Звучит песня о судьбе. Визг тормозов, лязг, сирена, переворачивающаяся машина, настольная лампа, интерьер флигеля, запрокинутое лицо Игоря с остановившимися глазами. И всё это вертится в бешеной фантазмагорической пляске, а песня о судьбе набирала силу и завоёвывала всё новые высоты. Она уже заполнила Дарью всю до последней нервной клетки, а песня всё звучала. Не выдержав напряжения, она сильно закричала. Торопливые шаги дежурной медсестры. С карниза у окна спрыгивает юноша с большими печальными глазами, берёт в руки прислонённую к стенке гитару и неуверенными шагами идёт вглубь больничного сада, где растворяется в предутренней дымке.

Небольшой столик, за которым сидят друзья Игоря.

— Сорок дней пролетело, как нет с нами Игоря! Какая нелепость! До сих пор не верится, — говорил Юра.

— Дарья никак не может прийти в себя. Она не верит, что Игоря нет. Доктора говорят, что скоро будут её выписывать, но танцевать в ближайшей перспективе не придётся. Ей нельзя делать резкие движения. И больше положительных эмоций, — продолжал Михаил.

— Дарья сильно изменилась. Ужасно то, что она безразлична к своему материнству. Ушла в себя и стала неразговорчивой. Старается скорей уединиться. Я, право, не знаю, что можно предпринять, чтобы вывести её из этого состояния, — сокрушался Юра.

Городское кладбище. Сколько судеб... Сколько недосказанных слов. Скорбная тишина. Даже воробьи — и те издают особые звуки, с оттенком печали. Могилы, могилки. Скромные,

помпезные. Среди них свежая могила со скромным надгробием. Недостроенная ограда. Рядом остатки цементного раствора. По всему видно, здесь ведутся работы. Скорбная спина у могилки. Опущенная в печальном молчании голова в чёрном платке. Отрешённое лицо Дарьи. Крупным планом глаза, они в своей печали стали ещё выразительней. Наплыв мелодии детства, которая переходит в песню «Колесо судьбы». В её глазах собираются слёзы, а песня продолжает звучать в пронзительных интонациях. Сквозь призму слёз лицо Игоря, он улыбается... Что-то говорит ей. Они идут по вечерней аллее. Он прикасается к её ладони... сплетение рук... пальцев... флигель... настольная лампа... мутное очертание обнажённых тел. А песня всё звучала. Дарья с хрустом сдавливает пальцы ладоней. Одиночество... Слёзы... слёзы... слёзы. А песня о судьбе всё звучала.

Общий план кладбища. Одинокая фигура идущей Дарьи. Она выходит из кладбищенских ворот. Юра открывает дверцу машины, бережно сажает её на сиденье и медленно отъезжает. Вслед машине смотрели большие печальные глаза одиноко стоящего за деревом юноши с гитарой.

Машина подъезжает к дому Дарьи. Не попрощавшись, она выходит из машины и направляется к дверям. Юра влажными глазами смотрит ей вслед и, в сердцах нажав на газ, резко срывается с места.

Тот же интерьер дома Дарьи. В прихожей она застывает в задумчивости на некоторое время, затем, очнувшись, начинает снимать с себя чёрный плащ. Участливые глаза матери провожают её до дверей комнаты. Дарья садится в кресло и обводит взглядом интерьер комнаты. Глаза её останавливаются на портрете отца. Наплыв воспоминаний. Дарья маленькая держит за руку отца, заглядывает ему в глаза. А вокруг лица, нет, не лица, — маски равнодушные. Движения прохожих роботообразные, и вся эта масса движется в ритме моторного танца.

Маски... маски... Девочка дёргает за руку отца, что-то ему говорит, заглядывает ему в лицо, но это не его лицо. Он её не слышит... Девочка кричит.

Дарья сидит в кресле, глаза закрыты. Матовая бледность лица. Испарина на лбу.

Юра, Миша и «блондин» сидят с подругами в кафе. Звучит популярная музыка. Танцующая молодёжь.

— Уже три месяца Дарья не выходит из дома и ни с кем не общается. За это время только один раз выезжала на кладбище и после этого ещё больше замкнулась. Хотел её вытащить в кафе или в гости, в конце концов, просто пообщаться, но она не отвечает на звонки, — жаловался Юра. — Врачи говорят, что она в состоянии глубокой депрессии, и они никак не могут вывести её из этого состояния, — продолжал Юра.

— Но она ведь носит под сердцем ребёнка и должна понимать, что её состояние отрицательно повлияет на здоровье младенца в перспективе, — говорила одна из подруг.

— Она это поймёт, как только малыш застучит ножкой и начнёт подавать признаки жизни. Он заставит её вернуться в реальность и будет влиять на её психологическое состояние, это я знаю по себе, — высказывала своё мнение экстравагантная брюнетка, которая бросала выразительные взгляды в сторону «блондина».

— Слушай, Юра, — обратился Михаил. — Я читал в одном солидном медицинском журнале о психологе с неординарными способностями экстрасенса. Я часто и до этой статьи слышал о ней от своих друзей о её высоком профессионализме. Может быть устроить Дарью на приём к ней?

— А что, это идея. Один мой знакомый рассказывал мне, что она делает чудеса. Подняла с постели сестру его, которая долгое время не ходила, — сказала девушка, поглядывая на Юру.

— Тогда, Михаил, тебе поручение. Найди выход на этого психолога, а Дарью я беру на себя, — сказал Юра.

Зазвучал танец. Все встали из-за стола. И вскоре чарующие ритмы растворили в себе печаль молодых людей.

Кабинет психолога. В кресле сидит Дарья. Она ещё больше осунулась, ещё резче стали выделяться её большие глаза, окаймлённые синеватой тенью. Юра через застеклённую дверь наблюдает беседу психолога с Дарьей.

Тихим голосом Дарья повествует врачу о своём состоянии и переживаниях, периодически прикладывая платочек к глазам. Психолог изучающим взглядом следила за её эмоциональным состоянием и изложением речи, записывая что-то в лежащий перед ней блокнот. Затем, в процессе разговора, она плавно смещает акцент на течение её беременности и рассказывает о химических процессах, происходящих в её организме и организме ребёнка при депрессивном состоянии.

— Вы, Дарья, художественная натура, неординарная личность с лабильной нервной системой. Любые последствия стрессовых ситуаций, которые у людей с обычной психикой проходят за довольно короткий период, у вас принимают довольно стойкий характер. В этих ситуациях единственно главный лекарь — вы сами.

Дарья в знак согласия кивнула головой.

— И только вы сможете помочь вашему малышу получить здоровый фундамент, на котором он смог бы адаптироваться к жизненным условиям, — продолжала психолог.

— Ваш ребёнок — это продолжение Игоря, и вы должны относиться к нему с такой же любовью. Младенец ждёт от вас этого. Я думаю, Игорь был бы такого же мнения. Его линия жизни продолжится и получит развитие в ребёнке, а это возможно только с вашей помощью. Я понимаю, как тяжела ваша утрата, но Господь Бог дал вам с Игорем живое существо, скрепляющее вас с ним. Он является символом любви, а относиться к любви надо бережно, как к хрупкому сосуду. Я думаю, вам надо всю

себя сосредоточить на том, чтобы выносить здорового ребёнка, — внушала доктор.

— Я многое поняла и постараюсь последовать вашему совету, — в задумчивости отвечала Дарья.

Психолог делает пластичные движения вокруг головы и плеч Дарьи, похожие на отточенный классический танец, затем идёт к умывальнику и подставляет ладони рук под струю воды.

Ещё некоторое время Юра наблюдает диалог, затем Дарья поднимается с кресла и в сопровождении психолога направляется к двери. Юра подаёт ей плащ, помогает одеться. На прощание пожала локоть Дарье и пригласила через некоторое время прийти ещё на один сеанс. В ответ она в знак согласия кивнула головой и, поддерживаемая под руку Юрой, направилась к выходу.

Выздоровление Дарьи шло долго, ремиссии чередовались с рецидивами. Прошла зима. Пригрело яркое весеннее солнце. Раннее утро. Дарья нежится в своей уютной постели. Утренние блики играют на её бледном лице танец пробуждения. Первыми вздрогнули ресницы. Глаза раскрылись и заскользили по интерьеру, остановившись на букете ярких гвоздик, стоявших на подоконнике, которые преподнёс ей накануне Юра. В открытую форточку доносился деловой весенний гвалт птиц. Тихо стучала в окно распутившаяся ветка сирени, приглашая её в сад на весенний хоровод. Глаза Дарьи потеплели, и впервые на её лице появилась улыбка, которая так красила её в предшествующие годы. Она встала с постели, распахнула окно и, глубоко вздохнув, потянулась. Младенец в животе тут же откликнулся на её настроение и радостно застучал ножками. Погладив с нежностью округлый живот, она, как была в ночной рубашке, вышла в сад. Дружное пение оглушило её. Расцветающие зелёные ветки деревьев и кустарников нежно ласкали её своими пушистыми зелёными лапами, оставляя следы утренней росы на её ру-

башке. Она всё больше и больше начала ощущать себя частицей всего окружающего.

Зазвучала мелодия детства в ритме эмоционального вальса. Медленный пируэт — и Дарья кружит в белой рубашке со своим младенцем среди нежных зелёных побегов деревьев. В такт музыке янтарным бисером росы одаривают кусты сирени танцующую Дарью. В ритме вальса мокрая вбегает в дом, на ходу сбрасывает платье и начинает неистово плескаться в ванной под душем, сопровождаемая мелодией. Накинув халат, она выходит из ванной чуть порозовевшей.

— Мама, у нас есть что-нибудь поесть? — спросила Дарья.

— Сейчас, доченька, сейчас...

Мать засуетилась. Со слезами на глазах начала готовить её любимое блюдо.

— Мама, сегодня я пойду в филармонию. Посмотрю, чем занимаются наши девочки.

— Да, доченька, да... — в слезах радости отвечала мать.

Был воскресный день. Обычно самые интенсивные репетиции проходили в эти дни, и собирался почти весь состав. Интерьер здания филармонии. Те же портреты на стенах. На видном месте висела её фотография. Пока она болела, под ним появилась надпись: «Заслуженная артистка Российской Федерации Дарья Тимонина». Многоголосым эхом растекались по холлу звуки различных инструментов, подгоняемые командами балетмейстеров. Дарья толкнула дверь, она медленно открылась. В лицо пахнул до боли знакомый смешанный запах пота и дорогих духов. Зеркала. Тренажёры. Новый набор девочек отрабатывал танцевальные движения. В другом углу ансамбль девочек репетировал рисунок нового народного танца. Дарья ступила через порог. Все головы повернулись в её сторону. Тишина... Лицо улыбающейся Дарьи. И в ответ гвалт подруг, восторжен-

ные голоса музыкантов. Все обступили её. Некоторые девушки стремились погладить её округлый живот. Вопросы... Вопросы... Вопросы...

Дарья весело входит в дом и, на ходу раздеваясь, рассказывает матери о своей встрече с подругами.

— Мне так хотелось встать к балетному станку и начать упражняться! Так хотелось участвовать в создании нового репертуара! Но моя беременность. Скорее родить бы, а то уже не могу. Мне кажется, я ношу его уже целую вечность и это будет продолжаться ещё долго, — жаловалась она матери.

— Ничего, доченька, я вижу, твой живот уже опустился. Видимо пришло время рожать. Осталось терпеть уже недолго, — успокаивала мать.

— Я как только рожу, понесу его на кладбище, покажу Игорю. Вот будет ему радости, — в задумчивости продолжала она. — Я ещё не родила малыша, а уже вижу его. Он будет такой же, как Игорь. И назову его Игорем. Будет Игорь Игоревичем, и, наверно, таким же талантливым, — мечтала она.

Дарья нагнулась взять книгу, но в это время малыш тревожно застучал ножками, отчаянно просясь на белый свет. Видимо подслушав разговор своей мамы, он решил воплотить её желание и как можно быстрее. Забыв взять книгу, она разогнулась и тревожно прислушалась к своему ребёнку. Он так же внезапно замолк и никак не проявлял себя. Дарья почувствовала сильную боль внизу живота, которая острыми щупальцами потянулась к позвоночнику и начала крушить его, перемалывая в своих цепких объятиях. Зрачки её расширились от страха. Такой боли и такого состояния она не испытывала никогда. Дарья открыла рот, чтобы выдать из себя крик о помощи, но в это время боль так же внезапно отступила. Присев на край кресла, она позвала маму и рассказала ей о случившемся.

— Это уже начало схваток, — утвердительно сказала она. — Надо вызывать «скорую», видимо, скоро начнутся новые схватки. Ты, доченька, не пугайся, миллионы женщин рожают ежедневно. Такова наша участь. У нас в роду все женщины рожали легко, дай Бог и у тебя всё обойдется.

К вечеру за Дарьей приехала «скорая помощь» и отвезла в родильный дом. Врач-гинеколог подтвердил скорые роды и, действительно, ночью она родила. Мальчик весил 3 кг 800 гр. Рост 51 см.

На пятый день после родов наступил день выписки. Медсестра с младенцем на руках в сопровождении Дарьи и врача спустились со ступенек родильного дома. Им навстречу шествовали с букетами цветов Юра, Михаил, «блондин» и счастливая мать. Юра принял младенца на руки. Все поздравляли Дарью и благодарили медперсонал, одаривая их цветами и коробками конфет. Кавалькада машин с цветными шарами тронулась к дому новорождённого.

Дарья в трико у тренажёра. Тяжело даются ей движения после родов. Сказывается долгое отсутствие тренировок. Но молодой организм постепенно входит в знакомое ей русло ритма нагрузок. И опять калейдоскоп гастролей. Концертные залы. Салон автобуса. Аплодисменты зрителей. Печальные глаза юноши.

Сцена концертного зала. Возбуждённые зрители в ожидании большого праздничного спектакля. Среди них много иностранных гостей. Гасится свет. Начинается представление. Исполняется этнографический танец под чарующие переливы народных мелодий. В плавном танцевальном ритме ансамбль плетёт узоры хоровода девушек. Ритм ускоряется и на сцену выбегает Дарья. Зажигательные движения рук, виртуозные пируэты с последующей связкой оригинальных движений создают дикий танец с неожиданным заключительным дви-

жением. Некоторые зрители вскакивают с места — настолько она ворожит публику. Несколько заключительных пируэтов — и Дарья сгибается в поклоне. Гром аплодисментов. Счастливое лицо танцовщицы. В изящных прыжках она выбегает за кулисы, где принимает поздравления своих подруг и постановщика танцев. Бесперывные аплодисменты — и Дарья вновь выбегает на поклон по требованию публики. Эффектные реверансы танцовщицы.

Репетиционный зал. Девушки у балетных станков отрабатывают танцевальные движения. В углу за перегородкой Дарья кормит своего малыша грудью. Над ней в ожидании склонилась её мать. С тех пор, как Дарья стала регулярно ходить на репетиции, ребёнка ей на кормление грудью приносила мать. Врачи категорически настаивали, чтобы младенец хотя бы первые три месяца получал материнское молоко. Дарья кормила мальчика последние дни и готовилась переводить его на искусственное питание. Закончив кормление, она отдала его матери, предварительно поцеловав его пухленькие щёчки, вернулась к балетному станку.

Деловым шагом грациозно входит в репетиционный зал руководительница ансамбля. На ходу хлопая в ладоши, она просит девушек собраться вокруг неё.

— Я сейчас была на киностудии, — объявила она. — Наш коллектив приглашён на съёмки музыкального фильма-сказки. В нём будет много оригинальных танцев, очень сложных по своей композиции. В общем, предстоит большая работа.

Оживление среди девушек. Одобрительные возгласы. Под строгим взглядом руководительницы коллектив умолкает.

— С сегодняшнего дня репетиции будут проходить два раза в день. Утром и вечером. Я думаю, вам не надо напоминать о дисциплине и ответственности.

Ежедневные изнурительные репетиции. Рождение новых танцевальных композиций. Творческие радости и огорчения.

Огромный павильон киностудии. Интерьер красочного средневекового дворца... Ходил важный правитель, осваивая реквизит. К нему периодически подходил режиссёр, указывая на ту или иную деталь. Свита правителя, столпившись, стояла в другом углу павильона. Помощник режиссёра что-то растолковывал разодетым в красочные костюмы придворным и разводил их по соответствующим местам. Группа танцовщиц стояла в другом углу в томительном ожидании съёмок. Чуть в стороне Дарья получала последние наставления постановщика танцев, разминаясь в предстартовом волнении.

— Приготовиться к съёмке, — прокричал в мегафон помощник режиссёра.

Все быстро встали в исходную позицию.

Начинает плести свой серпантин восточная музыка. Девушки с лампадами в руках в изящных позах демонстрируют пластику своего тела. Правитель и свита наблюдают этот танец в сладостной истоме, периодически обмениваясь репликами. Постепенно танцовщицы тают в дымке дворцового зала. И уже звучит ритмичная танцевальная музыка, под которую танцует свой зажигательный танец Дарья. Ансамбль девушек плетёт кружева вокруг неё под звуки ситара, в которые вплетаются современные электронные музыкальные инструменты, подчёркивающие аромат восточной музыки. Словно с небес, под сводами павильона зазвучал голос юноши с печальными глазами, который изящно вплетается в музыкальную ткань. Темп танца постепенно ускоряется, резкие движения чередуются с молниеносными пируэтами. Мелькание рук, ног, глаз. Электронный танец достигает своей кульминации. Каждое движение танцовщицы эхом откликается на эмоциональном состоянии правителя и его окружения, которые становятся соперниками её

танца. Заключительный пассаж ударных, последние аккорды оркестра — и Дарья с подругами завершают композицию.

Дарья в гримёрной смотрится в зеркало. Проводит ладонями по усталому лицу. Берёт ваточку и начинает стирать с лица макияж. Движения постепенно замедляются. Наплыв музыкальной темы из детства. Лицо Дарьи растворяется в зеркале, это уже девочка, идущая рядом с отцом. Она дёргает его за руку, хочет что-то сказать ему. Отец поворачивает лицо к ней, но это не его лицо, это лицо-маска Игора, с остановившимся взглядом, который никак не реагирует на слова девочки, а мимо всё идут и идут прохожие лица-маски. Музыка постепенно затихает. В зеркале опять появляются очертания лица Дарьи с закрытыми глазами. Стук в дверь вывел её из состояния забытья. Вздрогнув, она заключительным движением завершила свой туалет и поспешила к двери. В гримёрную входит руководительница с приветливой улыбкой на лице.

— Ну как, Дарья?

— Всё нормально. Вот, привела себя немного в порядок, — отвечала она.

— Видно, что ты подустала. Танец действительно был сложный, экспрессивный. Это была не только физическая нагрузка, но и психологическая, и ты справилась с этим прекрасно. Как твой малыш? — помедлив, спросила она. — Я думаю, мама справляется с ним?

Дарья утвердительно кивнула головой.

— Ну ладненько. Завтра в одиннадцать репетиция. А сейчас домой, в ванную и спать. Ещё раз прими мои поздравления. Отдыхай, — засуетилась руководительница и направилась к двери.

— Спокойной ночи... — ответила Дарья, закрывая за ней дверь.

У ворот киностудии поджидал Юра.

— Поздравляю тебя с блестящим исполнением! Наблюдал за тобой. Разрешили постоять у входа, — сказал Юра, легко прикасаясь губами к щеке Дарья.

В ответ она смущённо пожала плечами. Взяв из рук баул, Юра повёл её к стоянке машин. Вслед им, перешёптываясь, смотрели девчонки из ансамбля. Юра и Дарья в машине. Улицы города, залитые ярким солнцем.

— Дарья, ты давно не встречалась с друзьями, тем более есть повод — твои успешные съёмки. Мы ведь все тебя очень любим. Может устроим вечеринку в нашем баре? — спрашивал Юра.

— Доживём до понедельника, — неопределённо ответила Дарья.

Машина остановилась у ворот дома.

— Ну так как? Договорились?

— Позвони мне на этой неделе. Там будет видно, — отвечала Дарья.

Интерьер бара. Танцующие пары. За столиком сидит Дарья в окружении друзей и подруг и ведёт оживлённую беседу. Юра приглашает Дарью на медленный танец под мелодию популярной песни.

— Дарья, ты так и будешь одна? С того рокового вечера прошло больше года. Я думаю, тебе не надо так замыкаться в своём горе, — мягко предлагал Юра. — Я своё будущее связываю с тобой, — после недолгого молчания продолжал он. — Буду прилагать все усилия, чтобы сделать тебя и малыша счастливыми. Я потерял голову и ловлю себя на том, что иногда мысленно разговариваю с тобой. Понимаю, тебе тяжело. Потому не тороплю с ответом. Извини за сумбурное признание.

— Время... Время... В народе говорят, что время лечит. Это неправда. Мне кажется, с годами моя рана становится всё глубже и глубже... Может это кажется? Но мне действительно тяжело, — вздохнув, ответила она.

Репетиционный зал. Дарья сосредоточилась на отдельном движении и многократно повторяет его. Потное лицо. На трико влажные разводы. Шум в ушах, наплыв мелодии песни «Колесо судьбы». Расширенные глаза. Чуть покачнувшись, Дарья падает у тренажёра. Со всех сторон подбегают подруги. Руководительница просит всех расступиться.

— Отойдите, дайте воздуха... Вера, вызови «скорую».

Сирена. Подъезжает машина «скорой помощи». Врач просит расступиться. Дарью укладывают на носилки и увозят.

Комната Дарьи. Она лежит в постели, и уже болезнь наложила на неё свой отпечаток. У её постели врач измеряет давление. В изголовье стоит подавленная горем мать.

— Ну вот... сегодня вам намного лучше. Можно уже вставать. Делайте небольшие прогулки по двору. Регулярно принимайте препарат, который я вам выписала. Я зайду через два дня. До свидания,— попрощалась доктор.

В прихожей она сталкивается с руководительницей, которая пришла навестить Дарью.

— Доктор, как она?

— Понимаете, у неё было сильное переутомление. Черепно-мозговая травма, которую она перенесла, дала рецидив. Усугубилось всё тем, что при падении она опять ударилась головой. Сейчас у неё сильные головные боли, тошнота, но, я думаю, скоро всё пойдёт на улучшение. Мы ей сделали повторный снимок черепа. Явных отклонений от нормы нет, но танцевать ей уже нельзя. Потому что если она опять упадёт и ушибётся, то последствия могут быть весьма печальными. Извините, мне ещё надо обойти больных. До свидания,— попрощалась врач и вышла к ожидающей её машине.

Руководительница открыла дверь в комнату Дарьи, лежащей в постели с закрытыми глазами. Положив руку на свою ладонь, она стала нежно поглаживать её.

— Дарья, я сейчас говорила с лечащим врачом. У тебя всё в порядке. Тебе можно уже вставать. Через некоторое время можно будет приступить к работе.

— Я знаю, что больше не буду танцевать,— говорила Дарья,— я от вас всё время скрывала. У меня во время танца часто кружилась голова. Иногда думала: вот-вот упаду, и с трудом доводила танец до конца. Меня когда выписывали, сказали, что нельзя делать резких движений. Я знаю, прогноз моей болезни плохой,— со слезами на глазах говорила она. — Но я рада, что успела воплотить свои лучшие танцы в жизнь. Жаль, но придётся смириться со своей болезнью,— продолжала она.

— Дарья, а я пришла к тебе с предложением,— говорила руководительница. — Понимаешь, меня переводят на другую работу. Когда меня в управлении спросили: кого я вижу на своём месте, я не задумываясь ответила: Дарью Тимонину. Как ты смотришь на это? Ты же давно мечтаешь поставить свои танцы.

— Я даже не знаю, как вас отблагодарить. Вы так внимательны ко мне и, как добрая фея, приходите в самые критические минуты жизни,— со слезами благодарности говорила Дарья.

— И ещё... Тебя представили к званию народной артистки. Так что выздоравливай. На болезни у тебя времени нет. Мы тебя все ждём в коллективе.

Поцеловав на прощание Дарью, руководительница вышла из комнаты.

Дарья подходит к зданию филармонии. Медленно поднимается по ступенькам. Тот же интерьер холла. На стене висят портреты популярных исполнителей. А вот и её фотография с подписью «Народная артистка Российской Федерации Дарья Тимонина». Подойдя к двери директора, Дарья слышит оживлённую беседу о текущем репертуаре. Она стучит в приоткрытую дверь и слышит в ответ: «Войдите». Навстречу ей встанут директор и руководительница.

— Ну, наконец-то! А мы заждались. Идём скорей. Сейчас мы тебя представим коллективу и приступай к работе. Через три месяца нужно сделать новую программу выступлений,— говорил директор,— коллектив уже ждёт.

Репетиционный зал. Знакомый антураж. Всё в движении. Всё в работе.

Руководительница хлопает в ладоши, прося тишины.

— Дорогие мои! Сегодня у нас особый день — событийный. Меня переводят на другое место работы, и я хотела бы представить вашу новую руководительницу. Подойди сюда, Дарья... Вот... Ну наверно Дарью вам представлять нет нужды. Вы её хорошо знаете.

Девушки подходят к руководительнице, преподносят ей цветы. Звучат слова прощания. У некоторых на глазах слёзы.

— Вот и всё. Принимай хозяйство. Командуй. Желаю тебе творческих успехов! Если что, заходи. Всегда рада буду тебе помочь,— сказала на прощание руководительница и вышла с директором из репетиционного зала.

Коллектив окружил новую руководительницу. Расспросы о здоровье, о малыше, поздравления с назначением на должность. Печальные глаза юноши.

Репетиционный зал. Дарья-руководительница ставит танец со своим коллективом.

А в это время по городу шёл мужчина и вёл за руку девочку. Девочка расспрашивала его о чём-то. Мужчина, низко нагнувшись к ней, отвечал на её вопросы. Они входят в здание филармонии, поднимаются по ступеням, входят в вестибюль. Глаза девочки панорамируют по стендам. Взгляд останавливается на портрете Дарьи.

— Папа, а вот наша Дарья. Смотри, какая она красивая,— говорила девочка.

Отец с дочерью подходят к двери с надписью «Танцевальная группа». Двери открываются и... волшебный мир танца. Группа девушек делает синхронные движения под музыку. Звучит уверенный голос репетитора, команды которой выполняют танцующие. Объявляется перерыв. Отец с девочкой медленно подходят к Дарье.

— Здравствуйте! Вот мы прочитали в газете объявление о наборе в детскую танцевальную группу вашего коллектива... и я решил привести свою дочку. Вы знаете, она так любит танцевать. Днём и ночью танцует,— говорил отец.

— Подойди ко мне, девочка. Ближе, не бойся,— говорила Дарья.

— А я не боюсь,— отвечала девочка.

— Как тебя зовут?

— Дарья.

Лицо Дарьи вздрогнуло. Она некоторое время смотрела на девочку, потом тихим голосом спросила:

— Что ты нам исполнишь?

Девочка называет тот же танец, который она называла в далёком детстве, когда была здесь с отцом.

Зазвучала мелодия из детства, и девочка уже с первого такта музыки начала плести кружева своей импровизации. Дарья с широко раскрытыми глазами смотрела на танцующую, а музыка всё набирала силу, движения девочки становились всё осмысленней. Музыка танца перешла в тему песни о судьбе. Девочка всё танцевала. Глаза Дарьи начали наполняться слезами. Они безудержно катились по щекам, а девочка танцевала. Зазвучал чарующий голос юноши с печальными глазами, а слёзы всё катились... А песня о судьбе звучала ещё долго-долго. А девочка всё танцевала.

КОНЕЦ

Долгий *раздѣг*

КИНОПОВЕСТЬ

ДОЛГИЙ РАЗБЕГ

Тошнота подкрадывалась из каких-то отдалённых уголков и внезапными волнами захлёстывала сознание. Мелкая дрожь содрогала каждую клетку, каплями пота выбиваясь на поверхность кожи. Она знала, что ей надо встать, пройти в ванную и принять спасительный душ, который приводил её в состояние относительного душевного и физического равновесия, но волна опять подкатывалась, захлёстывая волю. В одной из пауз она сделала над собой усилие и резко встала. Всеми цветами радуги закружился в её глазах интерьер спальни. Переждав ещё несколько секунд, она встала на ноги и пошла в ванную.

Тёплые струи воды хлестали её обнажённые плечи, с каждой минуты принося облегчение. В большом зеркале она видела своё отражение. Приблизившись к нему, начала изучать своё тело. Долгим взглядом проводила линию бёдер, изгиб шеи и отметила про себя, что алкоголь ещё не начал свою разрушительную работу, молодой организм компенсировал всё насилие, которое она совершала над ним, чрезмерно употребляя спиртное.

Из ванной вышла чуть размякшейся, твёрдой походкой прошла в детскую. На маленькой кровати спала девочка лет восьми, подложив под щёку ладошки. Её чёрные волосы резко оттеняли матовую белизну лба и подушек.

— Лола, девочка моя, пора вставать!

Девочка не реагировала на слова матери, сон её был глубоким, как у всех здоровых детей. Взгляд матери остановился на её лице. Присев на край кровати и осторожно приподняв одеяло, она нежно провела ладонями по плечу, ногам. Глаза её затеплились любовью. Как быстро течёт время... Недавно ещё Лола была маленьким комочком, а теперь перед ней лежала девочка, совершенные линии тела, длинная шея и ноги которой предполагали в перспективе красивую девушку.

— Лола, в школу опоздаешь, — сказала мать, потрепав её за щёку.

Длинные тёмные ресницы девочки задрожали, а затем вспорхнули, как вспугнутые бабочки. При виде матери лицо её засветилось нежностью и радостью. Она обняла её за шею и несколько раз поцеловала в мочку уха.

— Мамочка, я вчера тебя так долго ждала, не дождалась и уснула... А я вчера тебе даже ужин приготовила... Ты поела?

— Да, Лолочка, всё было очень вкусно, спасибо.

Мать подняла дочь на руки и, прижав к груди, понесла в ванную.

— Мама, почему ты меня несёшь на руках? Я уже большая, — говорила она, мягко отталкивая её от себя.

Но несмотря на протесты дочери, донесла Лолу до ванной и опустила на пол.

— Иди мойся, — сказала она, мягко шлёпнув по спине дочь.

Из ванной донеслись шум воды и незамысловатый напев, которым Лола сопровождала свой утренний туалет.

Некоторое время мать с улыбкой на лице слушала нежный детский голосок, глаза её светились радостью. Взгляд заскользил по стенам квартиры, по мебели, узкому коридору и привёл на кухню, не фиксируя в сознании предметы. Внимание невольно концентрируется на навесном шкафу. Улыбка сходит с лица, черты становятся жёсткими, в глазах появляется тревога. Голос девочки растворяется в шуме. Она, как замороженная, начала двигаться в сторону кухни. Открыв дверцу шкафа, на неё с початой бутылки призывно смотрела коньячная этикетка. Мелкая дрожь начала сотрясать её.

— Боже мой! Что это такое, неужели я уже больна? — причитала она, кружась вокруг бокала с коричневой жидкостью. — Ладно, сегодня выпью последний раз. С завтрашнего дня с этим будет покончено.

После выпитого бокала приятная теплота разлилась по всему телу. Интерьер комнаты сразу как-то преобразился, и дрожь проклятая прекратилась. Она более уверенным движением налила второй бокал и залпом осушила его. Из ванной донеслось пение Лолы. Вслушиваясь в её голос, мать улыбнулась, достала из холодильника закуску и, пожёвывая её, начала готовить завтрак для дочери.

В чисто прибранной кухне сидели друг против друга мать и дочь. Мать подкладывала Лоле лучшие кусочки, которые она ела с большим аппетитом.

— Спасибо, мамочка! Мне уже наверное надо бежать в школу? А то первый урок у нас «чтение». Училка такая строгая, в очках больших-больших. Но красивая, — говорила Лола.

— Беги, беги, девочка! Не опаздывай, — говорила мать, подавая портфель.

Хлопнула дверь, и в квартире восстановилась звенящая тишина. Сабрина прошла в зал. Взор её остановился на стенде, где были расставлены фотографии.

Вот она, совсем юная с косичками, в гимнастическом костюме, с обручем в руках, — это на соревнованиях в Софии. Несколько фотографий с её изображением в эффектном движении с обручем и лентой. А это более поздние фотографии: маленькая Лола на руках мужчины с красивой шевелюрой и усами, с другой стороны к ним прижимается она, повзрослевшая и счастливая.

Фотография, на которой Сабрина запечатлена с мужем во время бракосочетания. В её глазах она постепенно увеличивается и оживает.

Шум, выкрики поздравлений. Она спускается по ступенькам Дворца бракосочетания, ведомая под руку молодым супругом. Все садятся в машины, и кортеж трогается. А затем была свадьба, большая свадьба. Было много гостей, которые говорили много красивых слов. Играли музыканты, пели песни. Обыкновенная

свадьба горожанина, где переплелись городские традиции с элементами национального свадебного ритуала. А потом поездка на соревнования в Будапешт. Первая стычка с супругом и его родителями, настаивавшими, чтобы она оставила большой спорт.

Аэропорт. Из приземлившегося самолёта выходит спортивная делегация. Их встречают друзья, близкие, родные. Счастливая Сабрина принимает поздравления от представителей спортивной общественности. Глаза её скользят по лицам встречающих. Не найдя среди них мужа, она мрачнеет. А ведь накануне она послала ему телеграмму о своём приезде. Сабрина складывает баул и чемодан в багажник такси. Залитые солнцем улицы, скверы и площади города. Машина подъезжает к дому с высоким забором и останавливается. Сабрина берёт чемодан с баулом, расплачивается с водителем и исчезает за ажурными железными воротами. Небольшой дворик с клумбами цветов. Мать мужа хлопочет у очередного куста белых роз, ей помогает одна из племянниц.

— Здравствуйте, мама! — с виноватой улыбкой приветствовала Сабрина.

Карина Ашотовна на мгновение оторвала взгляд от куста цветов, посмотрела в сторону невестки и сдержанно поздоровалась. Обескураженная Сабрина прошла в дом, поставила чемоданы в угол и, бросившись на тахту, тихо зарыдала. Через некоторое время вошла девочка. Стоя в проёме двери, она смотрела на неё, боясь войти. Увидев её, Сабрина подозвала взглядом и прижала к груди.

— А мы видели по телевизору, как вы выступали... Так красиво... и вы такая красивая... А Карина Ашотовна почему-то злилась, — говорила девочка.

Сабрина погладила её по голове, нагнулась к баулу и достала подарок. Взяв его, она, повизгивая от радости, выбежала на улицу, похвастаться перед подругами. Сняв одежду, Сабрина

облачилась в халат и начала раскладывать вещи. Взвизгнув тормозами, у ворот засигналила машина. Девочка побежала открывать ворота, вышла и Карина Ашотовна. В ворота въезжает иномарка и лихо тормозит на бетонированной площадке двора. Сабрина выбежала из дома навстречу мужу.

— Серёжа, почему ты меня не встретил?! Я же тебе послала телеграмму, — жаловалась она, прижимаясь к нему.

— Ладно... ладно, идём в дом, — мягко отталкивая, говорил он. — Я был занят на работе. Принимал инвесторов. Сама понимаешь, момент ответственный. Видел... видел твои успехи по телевизору, — продолжал он, входя в дом. — Ну, как долетела?

— Хорошо, — поникшим голосом ответила она.

Разговор явно не клеился.

— А я тебе привезла подарок, — говорила Сабрина, бросаясь к спасительному чемодану. Достает из него костюм и различные сувенирные безделушки. Глаза и голос Сергея потеплели. Он примерил костюм, любовно повертел в руках сувениры.

— Понимаешь, Сабрина... Тебя так долго не было... Я думал о нас... Ну что это за семья? Ты в разъездах. Я здесь один... Детей у нас нет. Родственники замучили меня вопросами... Говорят: «Вот взял детдомовскую, без роду без племени... Были бы у неё родители, они быстро бы ей мозги вправили... Жена должна быть на глазах у мужа... И что это за семья без детей?» Сабрина, ты должна подумать над этими словами... Я больше так жить не могу.

Потом была ночь... Клятвы... Обещания... Признания в любви.

Утром Сабрина, напевая, готовила мужу завтрак.

— Сабрина, подойди ко мне, — подозвал Сергей.

Она остановилась на половине фразы, прекратив пение. На неё смотрели глаза мужа, которые были неузнаваемы. Они призывно и выжидательно смотрели на неё.

— Сабрина, какая ты красивая... подойди же... — он привстал на постели, протянув к ней руки.

Она начала движение к нему. В голове почему-то звучали аплодисменты зрителей... Перед её глазами замелькали разновысокие брусья, самый сложный для неё снаряд... Она со страхом подходила к нему, но снаряд её ждал. Публика ждала увидеть её сложную программу, и она продолжала движение к нему. Вот они, брусья, уже близко... Прыжок... и она уже будет подчинена ритму, который отрабатывался тысячи раз на тренировках. Руки судорожно хватают брусья, но это не брусья, а руки Сергея... Она некоторое время непонимающим взглядом смотрела на мужа широко раскрытыми глазами.

— Сабрина... Я хочу сына. У нас должен быть сын...

Интерьер комнаты. Сабрина вновь пошла на кухню и налила в бокал коньяк и вернулась в зал. Уютно расположилась в кресле, поджала под себя ноги, отхлебнула глоток из бокала и зябко поёжилась.

Её взор привлекла фотография, где она стояла в платке, простоволосая, с цветами в руках, а Сергей держал Лолу, которую передала в его руки медсестра. Фотография увеличивается в размере и, завоевав всё пространство комнаты, оживает...

Поздравления медицинского персонала, чуть бледная Сабрина и счастливый Сергей садятся в машину. Через некоторое время подъезжают к дому. У ворот их встречают родственники и близкие. Поздравления, цветы, стреляющие пробки из бутылок с шампанским, звон наполненных бокалов. Здравницы в честь новорождённой.

Сабрина в задумчивости сидит в кресле, отхлёбывает глоток из бокала. Долгий взгляд на фотографию, где она в спортивном зале, в гимнастическом трико, с булавами в руках. Снимок оживает.

Она вновь и вновь повторяет сложный элемент с булавами. Черты её лица жёсткие, сосредоточенные. Капли пота стекают по её шее и образуют тёмные разводы на трико.

— Сабрина, повтори ещё раз этот элемент и перейдём к следующей комбинации, — говорит тренер, в которой угадывается бывшая спортсменка по осанке и пластике движения.

— Татьяна, мне надо Лолочку кормить, уже время, — отвечает она, поглядывая на часы.

— Ну, что ж. Тогда до завтра...

Сабрина переодевается и бежит по аллее, ещё одна тенистая улица и новый четырёхэтажный дом. Взлетает по лестнице, торопливо открывает ключом дверь и сталкивается с идущей ей навстречу Мариной Ашотовной.

— Сабрина, я уже через 20 минут должна заступить на дежурство. Твои тренировки уже всем надоели. Неужели ты думаешь, что после родов сможешь восстановить свою спортивную форму? Это немыслимо!.. Кашку я сварила, только остуди её. Ну ладно. Я побежала. Да... придёт Сергей, пусть мне позвонит на работу, — сказала она, захлопнув за собой дверь.

Сабрина в два прыжка достигла детской спальни. В маленькой кроватке сидела совсем маленькая Лола и улыбалась матери открытой детской улыбкой. Её глазки, как маслинки, светились любовью. Она протягивала к матери ручки, настойчиво просясь на руки. Сабрина схватила её, прижала к груди и в приступе нежности начала тискать маленькое тельце, приговаривая только для них понятные слова.

— Ой! Что же я тебя тискаю? Ты же кушать хочешь. Маленькая моя девочка!

Она посадила дочь за перегородку кровати, побежала на кухню, налила кашку и быстро вернулась к Лоле, которая с жадностью припала к любимой бутылочке. Насыщение пришло быстро, и девочка заснула. Сабрина осторожно отняла бутылочку, положила

дочь на кровать и, укрыв одеялом, несколько раз с нежностью провела рукой по головке.

Сабрина на кухне готовила ужин. Движения ее были экономными, натренированное тело легко выполняло любое движение. Наконец стол сервирован. Здесь и любимый салат Сергея. Дольки лимона полыхали в зелени различных трав. Она присела на край стула и задумалась. Резкий звонок прервал ход её мыслей. Быстро оправив на себе платье и волосы, Сабрина открыла дверь, озарив очаровательной улыбкой Сергея. Но ответа не последовало. Не сказав ни слова, он прошёл в ванную, помыл руки и сел за стол. Она молча села напротив. Сергей положил себе закуску — салаты, отварное мясо и стал сосредоточенно жевать. Сабрина некоторое время молча следила за мужем, затем неохотно положила себе в тарелочку еду и, медленно пожёвывая, ждала, когда он объяснит своё неприветливое состояние. Звон ложки и вилки стал резко нарастать в ушах Сабрины, превращаясь в звон колоколов, ей казалось, этому не будет конца. Ещё минута, и если Сергей не заговорит, то её перепонки лопнут. Наконец он закончил свою еду, заключив её дробью вилки и ножа.

— Почему ты не ешь? И почему на меня так смотришь? Будто я совершил какое-то преступление, — раздражённо говорил Сергей.

Она продолжала глядеть на него широко раскрытыми глазами и через некоторое время полушёпотом спросила:

— Что с тобой происходит, Сергей? Почему ты так ко мне переменялся?

— Со мной ничего не происходит, — продолжал раздражаться Сергей, — а вот с тобой что-то происходит. Мы же договорились, что ты бросишь спорт, займёшься воспитанием ребёнка. И в конце концов я не буду чувствовать себя беспризорным... А то я вроде женат, а на самом деле чувствую себя одиноким. Матери моей уже надоело сидеть с нашим ребенком, у неё тоже работа и своя семья. Я хочу иметь семью, понимаешь? Се-е-е-мью!.. По-

том, что это за учёба экстерно? Перешла бы на очное отделение, закончила бы университет, как все нормальные люди... Мне это всё надоело... — кипятился он. — В общем, или ты бросаешь спорт, или мы...

— Что ты говоришь, Сергей? Пойми ведь: спорт для меня — смысл жизни. Прошу тебя, потерпи ещё немного... Скоро соревнования... Я должна на них победить. Я это чувствую... Это даст мне возможность попасть в сборную и выступить на Олимпийских играх. А после этого — даю тебе слово, я расстанусь со спортом навсегда.

— Нет! Нет! И ещё раз нет! Я хочу, чтобы ты родила мне сына. Я хочу иметь свой очаг, где моя жена безраздельно принадлежала бы мне. В общем, или ты бросаешь спорт, или я уйду к матери.

— Сергей, я тебя ещё раз прошу, умоляю... Разреши мне выступить на соревнованиях.

— Нет! — ответил он, надевая пиджак. — Поумнеешь — позвонишь матери. Я там.

Раскатом грома отдалась в ушах хлопнувшая дверь. Некоторое время она прислушивалась к удаляющейся дроби шагов по ступеням и тихо, безысходно захныкала.

Интерьер спортивного комплекса. Мускулы атлетов в напряжении от упражнений на различных гимнастических снарядах. Напряжённое лицо Сабрины в бисеринках пота. Она делает различные силовые упражнения, которыми доводит себя до изнеможения. В её глазах настойчивость, воля, напор.

Сабрина на пьедестале победителей. Комментатор сообщает результаты и пророчит её как одну из вероятных претенденток на участие в Олимпийских играх. Весь этот ритуал наблюдают по телевизору Сергей и его родственники.

— Вот, пожалуйста! Она чемпионка. Теперь сплошные тренировки и поездки на соревнования. Правильно сделал, сынок, что ушёл... Это не семья, поверь мне. Чем скорее ты женишься, тем

лучше для тебя, да и для всей нашей семьи,— говорила Карина Ашотовна.

Сергей, глубоко вздохнув, отвёл глаза от телевизора, попрощавшись, встал и вышел из комнаты.

Сабрина в спортивной форме забегает в ясли, берёт Лолу и, оставив такси, мчится домой. Вот она уже быстро поднимается по ступенькам, открывает дверь. В квартире звенящая тишина. Посадив Лолу на тахту, она подходит к телефону и набирает номер.

— Алло! Сергей, здравствуй, я победила на соревнованиях,— говорила она.

— Знаю. Теперь ты включена в сборную. Я бы хотел, чтобы до твоего отъезда мы оформили развод.

— Но, Сергей, мы же любим друг друга. Неужели ты действительно хочешь развестись?

— Мы в семье решили. Так будет лучше для всех нас. Да мы уже полгода как не живём вместе. Я, честно говоря, уже отвык от тебя.

— А как же наша дочка? Ты её так любил.

— Я её и сейчас люблю и приму участие в её судьбе.

— Сергей, подумай!

— Я всё обдумал, завтра подаю заявление. Прощай.

Ещё долго набатным звоном звучали короткие гудки. Сабрина медленно положила трубку и погрузилась в пустоту, которую начали вытеснять аплодисменты. «Звание чемпиона Российской Федерации присваивается Сабрине Фёдоровой». Светящиеся глаза Сабрины, медаль, поздравления. И опять набатный звон коротких гудков... Поцелуи подруг, поздравления друзей... Счастливое лицо Сабрины... Набатный звон коротких гудков. Всё это прерывается звонком в дверь. Медленным движением руки она открывает её и встречает улыбчивые глаза тренера.

— Сабрина, ты так быстро исчезла. Я даже не заметила,— взволнованно говорила тренер.

— Мне надо было Лолу взять из яслей... Мы сейчас разговаривали с Сергеем. Он подаёт на развод, — отрешённо сказала она.

— Значит не любил он тебя... и не любит. Если бы любил, понимал бы тебя. Ты же выдающаяся спортсменка! Мужчины всегда были эгоистами. И перестань киснуть. Ты включена в сборную. Скоро тебе ехать на тренировочную базу, — запальчиво говорила Татьяна.

— Куда я поеду? На кого Лолу оставлю?

— Ты же знаешь, у нас с Володиёй нет детей, и мама живёт с нами. Это время Лола проживёт у нас. Прекрасное создание нам будет только в радость.

Аэропорт. Сабрину провожают Татьяна и Володя, который на руках держит Лолу.

— Ты не волнуйся за Лолу. Сосредоточься на тренировках и обязательно привези медаль, хотя бы бронзовую, — напутствовал Володя.

Поцелуй... Прощания... Самолёт взмывает в небо.

Сабрина словно в состоянии каталепсии, застывшая в кресле с бокалом в руках.

Тренировочный зал олимпийской базы. Сабрина в чёрном трико с радужными разводами пота. Тренер даёт ей указания. Она согласно кивает головой. Повторяет комбинацию вольных упражнений.

— Здесь у тебя вроде всё нормально. Перейдём к разновысоким брусьям, — говорил тренер.

Сабрина натирает мелом руки. Взгляд её сосредоточен. Она начинает медленное движение в сторону брусьев...

Интерьер дома. Сергей протянул руки в её сторону.

— Сабрина, подойди ко мне, — гулким эхом в груди разносился его голос. Она, как замороженная, движется к нему. Глаза Сергея увеличились до огромных размеров.

Сабрина продолжает разбег, в её глазах отчаяние и страх, но она продолжает движение, судорожно хватая руками брус. Мах... её тело взмывает в пространство, полёт был долгим, ей казалось, что она никогда не долетит к высокому бруску. Расширенные глаза тренера, он долго бежит к предполагаемому месту падения... Руки Сергея больно сдавили ей плечо...

— Я хочу сына, — продолжал гудеть его голос в груди. Сабрина хочет вырваться из цепких рук Сергея, но боль захлёстывает её всё больше и больше.

Сигнал машины «скорой помощи»... Люди в белых халатах... Носилки.

Сабрина в той же позе в кресле, с бокалом в руке. Она вздрогнула, освобождаясь от воспоминаний. Быстро отхлебнула коньяк.

Небольшая уютная палата. Сабрина, с гипсовой повязкой на руке, сидит на кровати и смотрит в окно. Мягкий летний дождь тёплыми струями стекал по стеклу большого окна. На подоконнике букет гвоздик оттенял яркую зелень горизонта. Из динамика растекалась по интерьеру палаты нежная лирическая мелодия.

Детский дом. Спортзал. Сабрина — маленькая девочка, среди своих подружек на уроке физкультуры. Все в одинаковой спортивной форме. Под музыку и счёт делают незамысловатые упражнения. В спортзал входит группа людей. Дети прерывают занятия и внимательно слушают взрослых.

— Девочки, кто желает заниматься гимнастикой в детской спортивной школе? — спрашивала женщина спортивного типа.

Все одновременно подняли руки вверх.

— Все хотят заниматься?

— Да-а-а... — дружно ответили дети.

Преподаватель некоторое время о чём-то говорил с тренером, затем попросил выйти из строя Сабрину и ещё одну девочку.

Сабрина робко подошла к взрослым и встала перед ними, вытянув руки по швам и опустив голову.

— Как тебя зовут, девочка? — спросил тренер.

— Сабрина Фёдорова.

— Хочешь заниматься гимнастикой?

— Да, — отвечала она.

— Подними глаза, — попросил тренер.

Сабрина подняла глаза, и на тренера устремились два уголька, в которых светился задор и переливались озорные огоньки.

— Значит берём этих двух девочек, — сказал тренер.

В палате по-прежнему звучала музыка. Глаза Сабрины были обращены за окно, куда-то вдаль, за горизонт.

— Вот и кончилась моя спортивная жизнь, — как бы про себя говорила она.

Ход её мыслей прервал стук в дверь. Вошла миловидная медсестра.

— Сабрина, сейчас тебя будет консультировать профессор — наш ведущий травматолог. Приготовься, — говорила медсестра, на ходу поправляя салфетки на тумбочке и пряча лишние для постороннего глаза предметы.

Вошёл моложавый мужчина в окружении врачей. Непринуждённо поздоровался с Сабриной, взял историю болезни и стал сосредоточенно читать, затем, отложив папку, устремил свои изучающие глаза на больную.

— У вас все идёт на поправку. Сращивание кости проходит без отклонений. Рука будет такой же, как была. Но, к сожалению, большой спорт придётся оставить, — сказал профессор. — Через недельку можно будет поменять гипс на лангет и выписываться, — обратился он к лечащему врачу. Затем, попрощавшись, быстрыми шагами направился к выходу.

Закрылась дверь за последним врачом, и в палате восстановилась тишина. Где-то далеко звучала печальная мелодия. Печально стучали капли дождя по оконному стеклу, растекаясь ручейками слёз. Сабрина тихо заплакала.

Пустой бокал дрожал в руках Сабрины. Слёзы продолжали свой печальный полёт, отзываясь гулким эхом по дну бокала. Она встала и, не вытирая их, пошла на кухню. Движения её были заторможены. Наполнив бокал, она вернулась на своё место. Долгий взгляд по интерьеру комнаты. Внимание её фиксируется на красивой антикварной статуэтке, выполненной в восточном стиле.

В аэропорту Сабрину встречали Таня и Володя, с Лолой за руку. У Сабрины рука зафиксирована на платке через шею. Объятия... Поцелуи. Лола, узнав свою маму, потянулась к ней. Взяв дочку на руки, она долго ласкала её губами, пока не почувствовала солоноватый привкус слёз, которыми обильно смачивала нежные щёчки ребёнка.

— Она болела? — тревожно спросила Сабрина.

— Что ты! Здесь за ней был такой уход! Правда она немного температурила после прививки, но быстро всё нормализовалось, — отвечал Володя.

Все прошли к выходу.

— Татьяна, вы идите к машине, а я получу багаж Сабрины... Дай багажный квиток, — попросил Володя.

Порывшись в сумочке, Сабрина достала бумажный квиток и отдала ему.

— Ой, Сабрина! Когда узнали, что ты получила травму... что было-о-о! Мать родная-я-я! Руководитель тут же дозвонился до олимпийской базы, спрашивал: какой характер травмы? Сможешь ли ты опять приступить к тренировкам? Но, когда узнал, что у тебя открытый перелом руки, такой кисляк был, передать

тебе трудно. Пока ты лежала в больнице, тебе здесь приготовили место тренера в детской спортивной школе. А Сергей всё звонил нам, просил навестить дочку. Пришёл один раз в воскресенье, принёс шоколад, игрушки... На той неделе женился... Свадьба была... — тараторила Татьяна.

Сабрина слушала, но по её лицу невозможно было понять, как она относится к известиям, которые обрушила на неё Татьяна. Подошёл Володя с чемоданами. Все сели в машину, которая лихо вырулила с автостоянки и влилась в вереницу на автостраде.

Спортзал. Сабрина в трико среди девочек. Объясняет им элемент движения. Дети сосредоточенно слушают. Она подходит то к одной, то к другой девочке, поправляет положение рук, выпрямляет спинку.

Сабрина входит в детский садик, через некоторое время с покупками и Лолой поднимается по ступенькам, открывает ключом квартиру. Быстрыми движениями раздевает дочь, бежит на кухню, выкладывает продукты, начинает готовить ужин.

Мать и дочь сидят за накрытым столом на кухне и ужинают. Лола мастерит из ложки и чашки какое-то сооружение, украшая его кусочками хлеба.

Сабрина задумчиво, без аппетита пожевывает холодную закуску. Мать и дочь сидят в зале, смотрят передачу по телевизору. Лола, не дожидаясь команды, идёт в ванную, завершает вечерний туалет и направляется в детскую спальню.

— Спокойной ночи, мамочка.

— Спокойной ночи, доченька, — отвечала Сабрина, не отрываясь от телевизора.

Дверь за Лолой закрывается, и мы видим, что взгляд Сабрины устремлён не на телевизор, а куда-то мимо, и в глазах дрожат готовые скатиться две янтарные капли.

Спортзал. Сабрина в окружении девочек показывает очередное спортивное движение с лентами. Девочки начинают повторять его.

— Сабрина,— обращается к ней подошедший тренер, — сегодня у нашего главного юбилей и день рождения, так что гони сотню на подарок. В семь часов в балетном зале будет накрыт стол. Обязательно приходи, будут интересные люди.

Сабрина входит в детский сад, через некоторое время выходит с Лолой, останавливает такси.

— Сабрина, заходи, — говорил Володя.

— Нет, я очень тороплюсь, вот привела Лолу, пусть она сегодня будет с твоей мамой. У нас вечером ответственное мероприятие. Хотя тебе Татьяна уже наверно сказала.

— Ради бога, Сабрина, о чём речь. Идём, Лолочка, к нам в гости.

Лола охотно протянула руки Владимиру.

— Я завтра забегу за ней, — на ходу говорила Сабрина.

Спустившись вниз, она села в поджидавшее такси.

Сабрина в спальне своей квартиры в нижнем белье. Сосредоточенно изучает содержимое гардероба. Достает чёрное платье с люрексом и красной отделкой, надевает на себя и, довольная выбором, садится к зеркалу. Она никогда раньше не красилась, потому что природный румянец всегда украшал матовую кожу её лица, а брови и ресницы были следствием работы ювелира-природы. Она накладывает лёгкие тени на веки, слегка подкрашивает ресницы и, довольная собой, быстро одевшись, выходит.

Сабрина сидит в кресле парикмахерской. Мастер с большим вниманием и ответственностью укладывает её пышные волосы в замысловатую причёску. Ещё мгновение — и она встаёт с кресла похорошевшей и преображённой до неузнаваемости.

Такси подъезжает к спортивному комплексу, из него выходит эффектная Сабрина и исчезает за стеклянной дверью.

Поднимается по ступенькам к балетному залу. Вдали, в проёме двери, высвечивается часть стола. Доносятся витиеватые слова очередного тоста. По мере приближения слова звучат все отчётливее. Сабрина входит в залитый светом зал. Столы, накрытые белыми скатертями, составляли один длинный полукруг, уставленный живописными блюдами, в основном из зелени и фруктов. Первым обратил внимание на неё тостующий.

— А сейчас, дорогие друзья, я вынужден прервать свой тост и сообщить, что в нашем полку прибыло. Знакомьтесь... Сабрина — наша гордость и надежда... — дальнейшие его слова потонули в аплодисментах и выкриках, кто-то встал из-за стола, кто-то приглашал сесть рядом.

— Ой!.. Сабрина, какая ты красивая! Прямо как с глянцевой обложки. Какая причёска! Обалдеть! — восхищалась Татьяна.

— Из-за неё и опоздала. Целый час мастер колдовал над моими волосами, — отвечала Сабрина.

Тостующий постучал вилочкой по стакану, прося тишины.

— Итак, друзья, я продолжаю свой тост!

— Только покороче, пожалуйста, — нетерпеливо произнёс флегматичный мужчина.

— Покороче, так покороче... Когда я посмотрел на Сабрину, у меня созрел оригинальный тост. Давайте выпьем за женщин, в которых мы черпаем вдохновение, которые первыми делят с нами наши огорчения, промахи, ну и радости, конечно. Итак, за женщин!

Компания зашумела, комментируя тост.

Мужчины с бокалами начали вставать с мест, громыхая стульями. Сабрина подняла бокал и обвела взглядом стоящих мужчин. Всё это были тренеры, массажисты, хореографы, различные технические работники. Взгляд её остановился на рослом брюнете в ладно сшитом костюме. Он держал бокал в руке и пристально глядел на неё. Уловив взгляд, брюнет, приветливо улыбаясь,

приподнял бокал, как бы приглашая выпить. Сабрина смущённо улыбнулась, но так же приподняла бокал и отхлебнула глоток шампанского. Заиграла музыка, и тостующий предложил потанцевать, пока будет подано следующее блюдо.

К Сабрине подошёл брюнет и пригласил на танец. Звучала быстрая музыка, но партнёр мягко, однако настойчиво, притянул её в свои объятия и продолжал танцевать «по старинке», прижав партнёршу к себе.

— Сабрина, я вас знаю давно и всегда внимательно следил за вашими выступлениями. Да-а-а... Если бы не эта нелепейшая случайность на тренировке. Если бы не это падение. Кто знает?.. Может у нас была бы олимпийская чемпионка. Я не шучу. Ваши выступления действительно привлекали новизной. А произвольная программа? Какие смелые комбинации! А ваше тройное сальто? У меня всегда уходила душа в пятки... Да, я вам не представился. Меня зовут Борис, — говорил он.

Голос у него был мягкий, обволакивающий. В движениях, как и в манере говорить, наблюдалась уверенность, но без тени самодовольства. Сабрине импонировало и где-то даже льстило, что такой интересный человек следил за её спортивной карьерой, да ещё в таких деталях. С ней первый раз так разговаривал мужчина, в словах которого акцентировалась её спортивная карьера, именно те нюансы, которые её волновали и были ближе всего.

— Так вот... Имею свой бизнес и довольно крупный. Это не говорит, что этим хочу заинтересовать вас. Просто чтобы вы всё знали обо мне из моих уст. И поверьте... открою ещё одну тайну... Здесь я ради вас. Когда узнал от директора, что вы будете на торжестве, то напросился в гости, — продолжал он.

— А откуда вы знаете директора? И вообще, причём тут наш спортивный коллектив? — тихо спросила она.

— Дело в том, что все гимнастические снаряды, оборудование и всё, что находится в спортивном комплексе, было приобретено

не без моего участия. Я являюсь большим болельщиком спорта, всячески стараюсь способствовать, чтобы все группы были экипированы, — отвечал Борис. — Я недавно купил статуэтку старинной работы, — продолжал он, — только потому, что она ваша копия. Те же линии тела, изгиб шеи, такой же профиль. При возможности я вам её покажу. Потрясающая работа, — говорил Борис.

Как всегда, компания разделилась по интересам. Уже никто не слушал тамаду. За столом царила та милая анархия, которая наступает на любой вечеринке, где собираются люди, близкие по духу и профессии. В одном уголке произносился тост, в то время как в другом решались какие-то проблемы и сосредоточенно спорили. Вся эта милая разноголосица отражалась в огромном, во всю стену, зеркале балетного зала.

Сабрина, раскрасневшаяся, счастливая, сидела в кругу своих друзей. Временами взрыв хохота сотрясал своды зала от рассказанного анекдота остряком и заводилой, который всегда присутствует в коллективе.

— Ты знаешь, Сабрина? Этот Борис по-моему втюрился в тебя. Он очень влиятельный человек. Вон, смотри, как директор комплекса юлит перед ним. Конечно, он интересный человек, — заключила Татьяна.

Как бы услышав, что женщины говорят о нём, Борис подошёл и вновь пригласил Сабрину на танец. На этот раз музыка была медленной. Партнёры молчали, вслушиваясь в лирическую мелодию, которая подчиняла себе светлой грустью. Борис нежно провёл ладонью по руке Сабрины, задержав её на некоторое время в своей. Она мягко высвободила руку и кротко посмотрела на него. Так и не сказав друг другу ни слова, они разошлись по своим местам после последних аккордов танцевальной пьесы.

И уже компания, разделённая по интересам, расположилась на лестничной площадке, в проходах, в раздевалке и т.п. Кто-то

прощался. Кто-то объяснял, что ему надо срочно идти, но при этом продолжал оставаться. Борис, видя, что Сабрина собирается, подошёл к ней.

— Сабрина, я на машине. Если хотите, я вас подвезу.

— Конечно хотим,— вступила в разговор Татьяна,— время сейчас позднее и нас могут обидеть. Сами понимаете, обстановка в городе, как говорят юристы, криминогенная.

— Значит, я вас жду внизу, — мягко заключил Борис.

— Вот и прекрасно! Заедем ко мне, а потом он отвезёт тебя,— говорила Татьяна.

— Может мне взять Лолу? — спросила Сабрина.

— Ты что!?! Посмотри который час! Она уже давно спит и не надо беспокоить ребёнка.

Увидев выходящих женщин, Борис коротко посигналил. Сабрина с Татьяной сели в машину, которая стала медленно выкруливать между запаркованным на ночь транспортом.

Борис вёл машину по пустынным улицам города. Часы показывали двенадцать. Ощущение было такое, что город малонаселён.

— Борис, а это ничего, что вы выпили и сидите за рулём? — спрашивала Татьяна.

— Видите ли, во-первых, я выпил очень мало. Во-вторых, машину вожу давно и меня все постовые хорошо знают и, по некоторым причинам, позвольте я о них не буду говорить, они ко мне хорошо относятся,— отвечал Борис.

— Сейчас направо. Вот у этого дома остановите, пожалуйста,— попросила Татьяна, — вот здесь. Спасибо, Борис. До завтра, Сабрина. — Татьяна хлопнула дверцей машины и быстро скрылась в подъезде.

— Ваш дом, Сабрина, я знаю, где находится. Я видел однажды, как вы выходили из него.

— О-о-о! Плюс к вашим достоинствам вы ещё и детектив.

— Да нет. Это была случайность,— отвечал Борис.

Машина подъехала к дому и остановилась.

— Я не буду напрашиваться к вам на чай. С моей стороны это было бы некорректно в столь позднее время. Тем не менее, я расстаюсь с надеждой, что мы будем видеться с вами.

— Конечно, Борис.

Она вздрогнула и смутилась, потому что впервые назвала его по имени. Борис долгим взглядом посмотрел на неё, отчего она ещё больше смутилась и опустила голову.

— До свидания, Сабрина, я завтра вам позвоню.

— До свидания. Спасибо вам,— отвечала она и, как бы опомнившись, резким движением открыла дверцу и бегом поднялась в свою квартиру.

Сабрина в детском магазине делает покупки Лоле, она в отчаянии, потому что не может подобрать ей подарок в день рождения. В толпе она чувствует чей-то взгляд на себе, медленно поворачивает голову и видит Бориса.

— Сабрина, здравствуйте! Мы здесь с делегацией зарубежных партнёров, они осматривают торговую площадь, хотят помочь нам. В общем открываем совместное предприятие. Но вам всё это не интересно?

— Почему? Даже очень интересно. Вот, обошла магазин и не смогла купить Лоле на день рождения практически ничего,— жаловалась Сабрина.

— Ничего, это не проблема. Лоле мы сейчас подберём что-нибудь вместе.

Борис с Сабриной прошли в складское помещение. По тому, как люди здоровались с ним, она поняла, что Борис пользуется большим уважением и влиянием. Немедленно подбежал к ним маленький шупленький человек в униформе и подобострастно пожал ему руку.

— Что у тебя есть для девочки четырёхлетнего возраста? Показывай,— спрашивал он.

— Товар только что получен. Он ещё не маркирован, — отвечал маленький человек.

— Знаю. Я всё знаю. Когда получали товар и сколько получали и откуда. Давай, быстро неси.

Словно мышь, человек исчез среди тюков и нагромождений ящиков с различными этикетками.

— У этих пройдох целые склады припрятанных товаров и целая система утаивания их до лучших времён. Но мы сегодня всё равно что-нибудь выжмем у них, — сказал Борис, мягко беря Сабрину за локоть.

Вскоре появляется человек с коробками в руках.

— Вот, хозяин, костюмчики для девочек. Финские. А это платица и обувка.

— Положи в подарочную упаковку вот этот костюмчик, обувь и отнеси ко мне в машину, — равнодушно сказал Борис.

— Хорошо, хозяин. Сейчас всё будет сделано, — отвечал человек.

— Борис, вы так много вещей купили. Я не рассчитывала на такое количество покупок, — говорила Сабрина, расстёгивая сумочку, чтобы посмотреть, сколько у неё денег.

— Сабрина, у меня нет детей, и я вас очень прошу разрешить мне сделать эти подарки Лоле. Поверьте, это такое наслаждение — делать детям приятное.

— Но это же стоит всё дорого. Мне просто неудобно.

— Хорошо, я возьму символическую сумму, дабы исчерпать этот вопрос, — говорил Борис, беря одну купюру.

— День рождения у Лолы будет в эту субботу. Людей, правда, будет мало.

— Главное на этом вечере — вы и Лола, — мягко ответил Борис.

Небольшая группа детей с родителями выходила из дверей квартиры Сабрины. Прощальные слова с тёплыми пожеланиями.

Гостей провожала сама виновница торжества. Борис пропустил гостей и попросил разрешения войти. Лола с достоинством разрешила и побежала на кухню звать маму.

— Мама, мама, к нам какой-то дядя пришёл.

На кухне Сабрина, Татьяна и молодая женщина готовили закуски. Между ними вертелся Володя, предлагая услуги то одной, то другой женщине. Сабрина вытерла руки о полотенце и быстро пошла к двери.

— Борис, здравствуйте! Проходите, пожалуйста. Я не думала, что вы настолько пунктуальны. Ведь обычно называешь одно время, а приходят на час позже.

— Я приучен к пунктуальности и никогда не изменяю своим привычкам, даже когда надо идти на увеселительное мероприятие, — отвечал Борис, окидывая взглядом интерьер прихожей и квартиры.

— А где ваши гости?

— Я же говорила, что у меня будет немного людей.

— Тогда я хочу в торжественной обстановке вручить Лоле подарок.

— Вы же подарили ей. Она сегодня, кстати, в обновке, вами подаренной.

— Я хочу сделать подарок, чтобы он был памятью.

Сабрина позвала Лолу, которая с любопытством стала разглядывать нового человека. Она подошла к нему и смело посмотрела в глаза. Борис несколько смутился от этого взгляда и начал поспешно открывать дипломат, откуда достал завернутую в целлофан статуэтку.

Зазвонил телефон. Сабрина медленно сняла трубку и приставила к уху.

— Я слушаю, — тихо сказала Сабрина, — знаю, что у меня группа в 2 часа. Татьяна, я тебя очень прошу, проведи за меня

занятия, я сейчас себя очень плохо чувствую, наверное, простудилась.

Выслушав согласие и нарекания с другой стороны, она сказала «спасибо» и положила трубку. Отхлебнув из бокала, она вновь с ногами расположилась в кресле и устремила взор на статуэтку.

Разгорячённые плотным ужином и вином, гости шумно прощались, желая имениннице долгих лет жизни, быть красивой и талантливой, как мама. Сабрина с Лолой вышли провожать гостей во двор. Была липкая осенняя ночь.

— Борис, вы сегодня без машины? Я боюсь за вас. Сами знаете, что у нас в городе неспокойно.

— Не волнуйтесь, Сабрина. Я поеду на такси, — Борис явно был в состоянии среднего опьянения, но держался великолепно, ни словом, ни поступком ни разу не выдал своего состояния. — А вот и такси, — Борис поднял руку и остановил машину, затем нагнулся и поцеловал в щёчку Лолу. Пожелал ей скорее расти и быть красивой, затем нежно прикоснулся к виску Сабрины и, не сказав ни слова, уехал.

Сабрина готовила на кухне завтрак. Лола помогала делать ей бутерброды. Она, опередив Лолу, поспешно поднесла трубку к уху.

— Алло... Я...

— Сабрина, у нас сегодня собирается небольшой коллектив друзей и зарубежных партнёров по случаю завершения совместных работ и отъезда. Говоря дипломатическим языком, будет дан ужин. Я хотел, чтобы вы тоже были с нами. Вам же надо когда-то и отдохнуть. Как на это смотрите? — говорил Борис на другом конце провода.

— Я не знаю. Вы меня застали врасплох. И как Лола?

— Ну вы же раньше находили выход. Я вас очень прошу...

— Ну хорошо, я отведу Лолу к Татьяне.

— Вот и договорились. Ровно в семь вечера я заеду за вами. До вечера.

Ещё долго короткие гудки звучали в застывшей руке Сабрины. Спohватившись, она быстро положила трубку и продолжала приготовление завтрака.

Сабрина, одетая в нарядное платье, с лёгким макияжем на лице и модной причёской стояла за оконной занавеской своей квартиры и выжидательно смотрела на дорогу, по которой должен приехать Борис.

Ровно в семь у подъезда останавливается знакомая машина. Сабрина суетливо начала поправлять причёску, складки платья, несмотря на то, что всё было в безукоризненном состоянии. Звонок в дверь гулким колоколом ударил по обнажённым нервам, хотя она и ожидала его. Сабрина встретила Бориса смущённой и красивой.

— Я уже готова.

— Вот и прекрасно! — ответил Борис, мягко дотронувшись до её локтя.

За рулём сидел улыбчивый и услужливый молодой человек. Он поздоровался с ней, и улыбка его осветилась двумя рядами белоснежных великолепных зубов.

Сабрина раньше не бывала в ресторанах и потому себя чувствовала неуверенно. Когда она вошла в банкетный зал, ей казалось, что все присутствующие сконцентрировали внимание на ней, но натренированное тело продолжало двигаться с мягкостью и изяществом.

Борис представил Сабрину друзьям и иностранцам. Каждый из них называл своё имя и говорил комплименты, но она ничего не запомнила, настолько её захлестнула эта круговерть дамских и мужских туалетов и одурманивающий запах дорогих женских и мужских духов. Сабрина явно выделялась среди женщин своей молодостью и свежестью. Вокруг неё образовался небольшой круг

мужчин, в основном иностранцев, которые на плохом русском высказывали ей свои впечатления от увиденного и о русском гостеприимстве. Через некоторое время все были приглашены к столу. Борис с изяществом отодвинул стул от стола и посадил на него Сабрину, а сам присел рядом. Тут же взял слово руководитель совместного предприятия, который коротко изложил итог посещения партнёров и провозгласил здравицу в их честь.

К концу ужина Сабрина изрядно захмелела и была более раскованной в общении. Видно было, что Борис гордился своей партнёршей и не скрывал этого.

Разделение компании по группам и интересам было логическим завершением вечера. Банкетный зал постепенно пустел, и лишь одинокие, маленькие группы людей продолжали ещё обсуждать какие-то проблемы, оставив без внимания своих партнёров.

Борис предложил Сабрине поехать домой, на что она согласилась с большим желанием, ибо уже устала от впечатлений и назойливых ухаживаний подвыпивших мужчин.

Внизу их встретил в машине всё тот же человек, ослепив её улыбкой с белыми зубами. Машина тронулась по заснувшим, мало освещённым улицам.

Сабрина прижалась плечом к Борису, в свою очередь он, найдя её руки, с нежностью ласкал пальцами ладони. Незаметно машина подъехала к дому. Некоторое время они сидели молча, глядя друг на друга. Затем Борис, предложив проводить её в квартиру, вышел из машины и подал ей руку. Квартира, как всегда, встретила звенящей тишиной.

— Я право не знаю, Борис... Может вам поставить чай?

— Что ж, не откажусь. Тем более, в ресторане нам его не подавали, а я пока не выпью зелёный чай после ужина, чувствую себя как странник в пустыне.

Сабрина пошла на кухню ставить чайник, а Борис, расположившись в кресле, стал листать журналы. Потом они сидели и пили

чай. Борис предложил потанцевать, потому что назойливые иностранцы так и не дали ему этой возможности. Сабрина включила магнитофон, и комнату залила нежная лирическая мелодия. Они, не сговариваясь, протянули друг другу руки.

Было утро. Борис ещё спал с загадочной улыбкой. Во сне черты лица его были мягкими, капризные губы были по-детски припухшими.

Из кухни неслась песенная мелодия, которую напевала Сабрина, готовя завтрак. Борис открыл глаза, оглядел интерьер и, улыбнувшись своим мыслям, начал одеваться под аккомпанемент песни.

Потом они сидели на кухне и завтракали, не говоря друг другу ни слова, только он с нежностью проводил своими ладонями по руке и пряди волос Сабрины.

Борис спустился вниз. Его встретил Миша, ослепив белым рядом своих зубов.

— Доброе утро, хозяин...

Лола довольно быстро приняла Бориса, и каждый приход его к ним она принимала с радостью и непосредственностью ребёнка, тем более он всегда приносил ей какой-либо сувенир. Затем у них обычно проходил ужин на троих.

Сабрина постепенно вошла в круг знакомых Бориса. Нутром она понимала, что он живёт рискованно, но старалась не вникать в подробности его жизни. Она полюбила и полюбила впервые любовью женщины, в которой долго подавлялось женское начало. Сабрина теперь часто посещала с Борисом рестораны и бары, потому что все дела его решались в основном в застолье. Друзья Бориса быстро приняли Сабрину за её непосредственность и простоту общения с ними.

Гром грянул внезапно. В один из дней Борис пришёл к Сабрине в растерянности и сказал, что ему надо уехать на некоторое

время и чтобы она его не искала и не звонила. Сабрина женской интуицией почувствовала, что Борису грозит беда, но не знала, с какой стороны.

— Если кто будет спрашивать про меня, скажешь, что ничего не знаешь, встречались редко. Ну, в общем, я полагаюсь на твой ум,— говорил он.

Потянулись тревожные будни. Сабрина вечерами сидела дома у телевизора и с надеждой обращала свой взор к телефону, но телефон молчал. Она несколько раз набирала номер Бориса, но, вспомнив его слова, поспешно клала трубку обратно.

В один из вечеров, устроившись в кресле, Сабрина раскрыла вечернюю газету и равнодушно стала разглядывать заголовки статей. На четвёртой странице в оперативных сводках сообщалось, что было совершено 2 разбойных нападения, 4 квартирных кражи. И вдруг... Сабрину, словно лезвием ножа, полоснуло имя Бориса, которое было напечатано в следующем абзаце. Она никак не могла заставить себя прочесть его, но через некоторое время, как сквозь дымку, на неё глядели хлёсткие фразы: «Органами безопасности задержан разыскиваемый ранее Борис Николаенко. Предполагается, что он являлся одним из руководителей преступной группы, занимающейся крупными нелегальными операциями по импорту товаров, а так же операциями по отмыванию денег и т.п. Против группы возбуждено уголовное дело».

Сабрина оторвала взгляд от газеты. В голове стоял невообразимый шум, который перерастал в аплодисменты. Она в трико делает разбег, но ноги у неё ватные, будто к ним подвешены гири. Шум... свист... Брусья ещё далеко, мучительно долго длится разбег. Она судорожно хватается брус... Мах... тело её устремилось в долгий полёт, к высокому бруску. Тренер бежит к предполагаемому месту падения. Расширенные от боли и ужаса глаза... Долгая сирена «скорой помощи».

Сабрина сидит с фужером в кресле с закрытыми глазами. Через некоторое время она открывает их, перед её глазами статуэтка, застывшая в своём равнодушии.

Фотография Лолы в школьной форме с букетом цветов в руке. Фотография заполняет весь интерьер комнаты.

Лола счастливая, нарядная, с большим белым бантом на голове стоит среди своих одноклассников на школьном дворе. Директор произносит напутственную речь первоклассникам, они в свою очередь преподносят цветы учителям и шефам. Сабрина стояла среди родителей со слезами умиления на глазах. Звучит звонок, дети парами проходят в здание школы. Сделав прощальный жест дочери, Сабрина выходит со школьного двора и садится в машину, за рулём которой всё тот же молодой человек с обворожительной улыбкой и ослепительно белыми зубами.

— Миша, отвези меня в спорткомплекс,— просила она.

— От Бориса пришла весточка, его перевели в лагерь,— говорил молодой человек.

— Я знаю, он мне всё написал,— отвечала Сабрина.

— Ничего, осталось ещё каких-то пять лет. А там смотришь, какая-нибудь амнистия подоспеет,— сказал Миша.

Сабрина сидела в задумчивости, не отвечая на вопросы собеседника. Машина подъехала к спорткомплексу.

— Сегодня наши собираются. Хочешь развлечься?... Я за тобой заеду,— говорил Миша.

Сабрина молча кивнула головой.

— Тогда до вечера,— сказал молодой человек и лихо тронул машину с места.

Вечером Сабрина сидела у зеркала. Лола в своей комнате выколачивала на фортепиано этюд, построенный на трёх нотах.

Снизу доносились короткие сигналы машины. Сабрина поднялась с места и прошла в комнату Лолы.

— Лолочка, ты немного позанимайся, потом поужинай и ложись спать. Меня не жди.

— Мапочка, ты сегодня опять придёшь поздно? — со слезами на глазах спрашивала Лола.

— Прекрати, доченька, будь умницей. Ты же знаешь, что я взяла дополнительную работу в вечерние часы.

— А почему когда ты возвращаешься, от тебя пахнет вином, и я видела, как ты качаешься? — продолжала Лола.

Сабрина была в замешательстве и не знала, что ответить. Нетерпеливые сигналы машины служили контрапунктом их диалога.

— Не говори глупости. Закройся и никому не открывай дверь, — говорила она, поспешно целуя дочь.

Вслед удаляющейся матери настойчиво неслись три ноты этюда для фортепиано.

Интерьер бара переливался разноцветными лучами цветовых установок. В углу приютился небольшой столик, за которым сидела шумная компания, состоящая из друзей Бориса. Сабрина с бокалом в одной руке и дымящей сигаретой в другой увлечённо слушала невероятную историю, которая приключилась с Мишей.

Звучал быстрый танец, и Миша пригласил на танец Сабрину. По её неустойчивой походке видно было, что она в состоянии опьянения, но ритм собрал её, и она закружилась, подчиняясь полностью танцевальной композиции. Не успела Сабрина сесть, как зазвучала лирическая мелодия. Сидевший за столом мужчина в ладном костюме и огромного роста пригласил её. Она безвольно положила ему руки на плечи, в свою очередь мужчина властно прижал её к себе.

— Сабрина, прошло уже три года. Сколько ещё ты будешь ждать Бориса? Жизнь ведь уходит. Переходи ко мне. Я буду заботиться о тебе и твоей дочке, — говорил он.

Сабрина долгим пьяным взглядом посмотрела на него и мягко отшатнулась.

— Я буду ждать его столько, сколько нужно, — пьяно отвечала она, — и я хочу домой. Миша, проводи меня, пожалуйста.

Миша, ослепив всех сидящих белоснежной улыбкой, сказал, что сейчас вернётся и пошёл следом за ней.

Сабрина поднималась по лестнице нетвёрдой походкой. Долго искала в сумочке ключи, наконец, открыла дверь. Тихонько, чтобы не разбудить Лолу, она прошла на кухню, открыла дверцу шкафа, достала коньяк и плеснула себе в фужер, села за стол и, глядя на дрожащую, коричневую жидкость, тихо заплакала. Отхлебнув глоток, она облокотилась на спинку стула и устремила свой взгляд на газовую плиту, затем, покачиваясь, подошла к ней и включила все четыре конфорки, не зажигая спичку. Из них с шипением выходил газ, заполняя комнату специфическим запахом. В голове начался шум, который перерастал в аплодисменты.

Сабрина бежала по матам к разновысоким брусьям. Бег у неё тяжёлый. Каждый шаг приносит невероятные страдания. Вот он, наконец, брусок. Она судорожно хватает его... Мах... Упругое тело начало свой полёт к следующему бруску... Сигнал «скорой помощи», раскрытые в ужасе глаза падающей Сабрины. Сирена постепенно затихает, её вытесняет мерное шипение газа. Резким движением она выключает газ и открывает окна. Дождавшись, пока газ выветрится, она нетвёрдой походкой пошла в спальню. В проёме двери детской комнаты в спальней сорочке стояла Лола, наблюдающая с глазами, полными слёз, за передвижениями матери. Сабрина зашла в спальню и, как была в одежде и обуви, рухнула на постель и уснула. Лола прошла в спальню и медленно приблизилась к матери. Осторожными движениями снимает с ног туфли и укрывает её одеялом.

— Мама... Мамочка... Мамочка... — причитала Лола с глазами, полными слёз, поглаживая лицо и волосы матери.

Ночью Сабрина открыла глаза и первое, что ощутила, это невероятная сухость во рту. Хотелось сделать глотательное дви-

жение, но слизистая рта была настолько пересохшей, что этого ей сделать не удалось. Сбросив с себя одеяло, она обратила внимание, что спала в одежде. Мучительно хотелось вспомнить, как она очутилась в постели одетой, но так и не смогла. В помятом платье с взлохмаченной причёской она прошла в ванную, открыла кран с холодной водой и жадно прильнула к нему губами. Утолив жажду, она намочила голову холодной водой и почувствовала облегчение. Протерев волосы полотенцем, прошла в детскую комнату. Лола спала со скорбным выражением лица, подложив ладошку под щеку. Сабрина поправила подушку и одеяло, нежно провела ладонью по лицу дочери. Глубоко, со стоном вздохнув, она прошла в спальню, разделась, выключила свет и юркнула под одеяло.

Сабрина с поджатыми ногами сидела в кресле и задумчиво вертела в руках пустой фужер. Телефонный звонок вывел её из состояния оцепенения.

— Вас слушают, — глухо ответила она в трубку.

— Сабрина, вас беспокоит директор музыкальной школы. Понимаете, ваша дочь стала плохо посещать школу и приходит на уроки неподготовленной. Нам бы очень хотелось, чтобы вы зашли в школу. С вами хочет поговорить педагог Лолы, — говорил в трубку бархатный баритон.

— Хорошо, я зайду. Только на этой неделе не могу, — отвечала Сабрина.

— Заходите на этой неделе во вторник, у Лолы будет урок по специальности. Заодно вы поприсутствуете на нём. До свидания.

— До свидания, — ответила она и положила в задумчивости трубку.

— Что же это такое?! — подумала она вслух. — Боже мой! Что я делаю? Что со мной происходит? — причитала она. С фужером в руках она вновь непроизвольно потянулась к бутылке. — Нет!

Нет! Хватит! Всё это может плохо кончиться. Надо набраться воли и прекратить. Я не уделяю Лоле никакого внимания.

В сердцах она выплеснула содержимое фужера в раковину.

Длинный неприветливый коридор музыкальной школы. Мимо сновали дети со скрипичными футлярами и папками для нот в руках. Со стен всю эту суету равнодушно созерцали портреты выдающихся композиторов. Увидев на двери табличку с надписью «Директор», Сабрина робко постучала в дверь, но никто не откликнулся. Постояв немного в нерешительности, она толкнула её и попала в большую приёмную, наполненную педагогами, которые шумно делились друг с другом новостями. Никто не обратил внимания на вошедшую. В углу, за отдельным столом, секретарь равнодушно играла пассажи на клавиатуре компьютера. Сабрине показалось, что это единственный человек, который может помочь. Подойдя к ней ближе, она спросила:

— Где можно найти директора?

— Дверь направо, — ответила она, не отрываясь от клавиатуры.

Сабрина постучала в дверь, услышав «Войдите», открыла дверь небольшого кабинета, где сидел, перелистывая бумаги, тучный мужчина. Оторвавшись от папки, он поднял глаза и через мгновение спросил:

— Вы Сабрина? Я вас сразу узнал, хотя вижу впервые. Раньше вас видел только по телевидению. Вы почти что не изменились, — рассыпался в комплиментах директор, неся своё грузное тело навстречу Сабрине. — Меня зовут Александр Николаевич. Ваша дочь уже два месяца как перешла в нашу школу, а мы с вами ни разу не общались. Сейчас я вас провожу в класс Юрия Саидовича, он как раз ведёт уроки по расписанию, — суетился директор.

На втором этаже в коридорах было уже уютнее. На окнах висели шторы, отсутствовали назойливые лозунги. Через изолированные двери классов доносились приглушённые звуки

рояля. Подойдя к одной из дверей, директор открыл её, и Сабрина очутилась в просторном классе. За роялем сидела Лола, она сосредоточенно исполняла этюд. Спинай стоял высокий мужчина с длинными волосами. Периодически он поправлял Лолу, предлагая свой вариант исполнения.

— Юрий Саидович, — позвал директор в паузе.

К ним повернулось худощавое, с отпечатком одухотворённости лицо. Он застенчиво поздоровался и предложил Сабрине сесть.

— Ну, вот я вас познакомил. Теперь вы сможете поговорить, — сказал директор и, попрощавшись, быстро удалился.

— Я сейчас дам Лоле задание, и мы с вами поговорим, — говорил учитель Сабрине. — Лола, повторишь эти два этюда. Пьесы играй в медленном темпе, твёрдыми пальцами и не путай аппликатуры.

Сабрина внимательно слушала его и была горда за дочь, которая уже понимала мудрёную музыкальную терминологию.

— Лолочка, подожди меня внизу. Я сейчас поговорю с твоим учителем, и мы поедем домой, — говорила она.

Лола собрала ноты, сложила их в папку и вышла из класса.

Сабрина повернулась лицом к Юрию Саидовичу и увидела устремлённый на неё пытливый взгляд учителя.

— Садитесь, Сабрина. Я давно хотел поговорить с вами. Ваша дочь занимается у меня два месяца. Она незаурядных способностей девочка, эмоциональна, сообразительна. Делает за урок то, что другие делают за неделю. Но у меня сложилось такое впечатление, что девочка предоставлена самой себе. Она практически дома не занимается и приносит на урок задание в таком виде, в каком мы его оставили на предыдущем уроке. Девочка талантлива. Из неё может получиться большой музыкант, но в музыке нужна крупица таланта и масса терпения. И наша с вами задача — воспитать в ней это терпение, — мягко говорил учитель.

— Я понимаю вас, Юрий Саидович, но у меня столько работы. Мы ведь живём одни. Но, действительно, я мало ей уделяю внимания, могла бы больше. В будущем постараюсь, чтобы она выполняла задания аккуратно и вовремя,— отвечала Сабрина.

— Вот, мы с вами договорились. Если погибнет в девочке талант, будет обидно,— заключил Юрий Саидович на прощание.

Лола стояла среди подружек и о чём-то оживлённо спорила. При виде Сабрины дети многозначительно переглянулись и стайками разбежались в разные стороны. Выйдя на улицу, Сабрина взяла двумя руками голову дочери и внимательно посмотрела ей в глаза.

— А меня твой учитель отругал. Сказал, что я не занимаюсь тобой и что ты плохо готовишь домашнее задание. Я и вправду, девочка моя, забросила тебя,— говорила Сабрина, прижимая к себе дочь и лаская её спинку.— А сейчас мы с тобой пойдём в детское кафе, поедим мороженое, а потом пойдём... Угадай куда?..

— В кино?

— Нет... В зоопарк.

— Ура-а-а! — закричала Лола, запрыгав на месте и захлопав в ладоши.

— Тише, Лола... Люди смотрят,— сказала Сабрина.

Счастливые мать и дочь побежали на остановку и сели в подъехавший автобус.

Детское кафе. Сабрина взяла мороженое, лимонад, пирожное и, лавируя между столиками, продвигалась к Лоле, которая сидела за столиком у окна в ожидании матери. Через окна кафе видно, как мать и дочь о чём-то увлечённо рассказывают друг другу.

Зоопарк. Лола тянула мать за руку то к одной клетке, то к другой. Дольше всего они стояли у вольера молодняка. Сабрина и Лола от души хохотали, глядя на малышей, которые в своих играх выделяли невероятные кульбиты, прыжки, принимая при этом смешные

позы. Вечером счастливые мать и дочь возвращались домой. У подъезда их дома стояла машина. Из неё вышел Миша и, поздоровавшись, ослепил Сабрину и Лолу улыбкой с белыми зубами.

— Сабрина, я вас жду уже целый час. Наш коллектив сегодня собрался в кафе. Друзья говорят, без Сабрины вечер не вечер, и вот я здесь.

— Передай им, что я сегодня не могу. У меня срочное дело,— холодно отвечала она.

— Но...

— До свидания, Миша,— сказала Сабрина, обходя с Лолой машину и скрывшись в подъезде.

Миша постоял некоторое время и, в недоумении пожав плечами, сел в машину и нажал на газ.

Лола сидела за фортепиано и повторяла трудный пассаж заданного этюда. Сабрина, лёжа на диване, листала журнал. Поиграв ещё некоторое время, Лола глубоко вздохнула, опустила руки и остановила свой взгляд на репродукции, висящей на стене.

— Почему не играешь, Лола? — спрашивала Сабрина, не отрывая глаз от журнала.

— Я устала, мама.

— Ну, немного отдохни... А что, всегда он такой строгий? — спросила Сабрина.

— Кто?

— Юрий Саидович.

— А-а-а-а... нет. Что ты, мама. Он такой хороший... добрый... Совсем-совсем добрый. Он даже ругать не умеет,— смеясь, ответила Лола.

— Я хочу иногда присутствовать на твоём уроке... Это удобно?

— Конечно, мамочка. У нас многие родители ходят на уроки и довольно часто.

— Ну, давай поужинаем и будем готовиться ко сну,— сказала Сабрина, поднимаясь с дивана.

Сабрина с Лолой подошли к двери музыкального класса. Лола, открывая дверь, прошла вперёд. Её с улыбкой встречает Юрий Саидович.

— Лолочка... Проходи, садись за инструмент и приготовь ноты... Сейчас будем работать,— говорил он, что-то записывая в тетрадь.

— А я не одна... с мамой... Можно она будет присутствовать на уроке? — спрашивала Лола.

Юрий Саидович как-то сразу засуетился, его длинные руки стали перебирать складки одежды. Почему-то вдруг он поднял статуэтку Чайковского со столика и поставил на подоконник, затем начал поправлять очки и, наконец, собравшись, сообразил, что надо пригласить Сабрину. Вытянув руки, ещё не доходя до двери, широко распахнул её, приглашая войти в класс. Он долго пересаживал гостью от стола к роялю и обратно, наконец, нашёл ей место у инструмента. Лола бойко играла этюд, затем пьесу, изредка поглядывая на мать, которая кивала ей головой, высказывая этим ей своё удовольствие и поддержку. Когда был сделан последний аккорд, Лола повернулась к учителю и посмотрела на него долгим, посерьёзневшим вопросительным взглядом.

— Ну что ж, Лолочка, сегодня ты нотный материал выучила хорошо. Все фразы играла чётко. Я очень доволен тобой. Но музыка — это не только ноты. Музыка — это большой сложный организм. Её по сложности можно сравнить разве только с организмом человека... У музыки есть кровеносные артерии, есть дыхание. Формы музыкальных построений так же совершенны, как формы человека. В обоих случаях всё рассчитано до мелочей. Если в музыке отсутствует какой-либо из этих компонентов, то она становится мёртвой конструкцией, как и человек, если у него отсутствуют, предположим, кровеносные сосуды. Если формы человеческого тела нарушены, то его облик становится уродливым, так и в музыке, — вдохновенно говорил Юрий Саидович.

Безусловно, на это красноречие его вдохновила присутствующая Сабрина, и в процессе монолога педагог чаще обращал своё одухотворённое лицо в её сторону, нежели Лолы. Мать и дочь затаённо слушали музыканта, он действительно открывал им новый мир.

— Потому, Лолочка, эти произведения надо оживить... Чтобы они задышали, чтобы в них заиграла жизнь. Вот смотри. Предположим, эта фраза... её можно сыграть, как играешь ты... А можно сыграть вот так... — говорил Юрий Саидович, демонстрируя на рояли фразы из пьесы.

Педагог ещё долго говорил и показывал Лоле варианты исполнения. Но Сабрина уже ничего не слышала, она видела только его руки, большие руки с длинными пальцами музыканта. Его глаза и весь облик были созвучны лирической мелодии с ностальгическим оттенком.

Лола бойко играла этот этюд, повторяла места, где у неё не получалось. Остановилась... Несколько раз глубоко вздохнула. И с новой энергией принялась за игру. Постепенно ритм занятий замедлялся, пока пальцы девочки не застыли на клавишах. Она медленно повернула голову и посмотрела на часы: они показывали 10 часов 30 минут вечера. Встав, она подошла к окну, посмотрела на дорогу, по которой должна прийти мама. Постояв минуту, она прошла в зал, начала разглядывать фотографии.

Завизжала тормозами машина. Лола бросилась к окну и прильнула к стеклу. Дверца машины открылась, и из неё вышла Сабрина. Ей помогал Миша с вечно белыми зубами. Попрощавшись с Мишей, Сабрина нетвёрдой походкой пошла к подъезду. Лола побежала к себе в комнату и начала быстро раздеваться.

Сабрина открыла дверь и вошла в квартиру. У порога сняла туфли и, крадучись, прошла на кухню. На столе, накрытый салфеткой, стоял ужин. Она подняла салфетку, посмотрела на

стряпню Лолы, и её глаза засветились нежностью. Осторожно прокравшись в детскую, взглянула на койку. Лола спала, отвернувшись лицом к стене. Удовлетворившись, что дочь спит, она осторожно прикрыла дверь. Лола лежала с открытыми глазами, в которых дрожали слёзы.

Лола, опустошённая, сидела на уроке и выслушивала выговор от Юрия Саидовича.

— Лола, ты опять перестала работать над собой. Ведь всё было хорошо. Ты занималась и продвинулась очень быстро. Я уже хотел было выставить твою кандидатуру на участие в концерте. А ты?.. Я просто не нахожу слов... Так вот... отныне я сам с тобой буду заниматься три раза в неделю. У меня вечерами есть свободное время, и мы с тобой используем его для занятий,— уже чуть смягчившись, говорил Юрий Саидович, видя, что девочка вот-вот расплчется. — Договорились? — спросил учитель.

Лола молча кивнула головой.

— А сейчас подожди меня внизу. Я сделаю некоторые дела в учительской, и мы с тобой прогуляемся,— сказал Юрий Саидович.

Лола опять кивнула головой, собрала свои ноты и вышла. Юрий Саидович долгим взглядом посмотрел ей вслед и вздохнул своим мыслям.

Юрий Саидович и Лола шли по одной из тенистых аллей города, он рассказывал ей интересную историю, неуклюже размахивая длинными руками. Лола внимательно слушала его, по-детски приоткрыв ротик и глядя на него любопытствующими глазами.

— Юрий Саидович, а отсюда недалеко мамина работа. Хотите зайдём? — спрашивала Лола.

— У меня есть ещё время, так что можно сделать твоей маме сюрприз.

Они шли по просторному коридору, на стенах которого были

запечатлены успехи спортивной школы в фотографиях и на стендах. В открытые двери тренажёрного зала были видны атлеты, которые в поте лица наращивали свои бицепсы. Юрий Саидович, остановившись, посмотрел на этот парад рельефных мышц, а затем перевёл взгляд на зеркало, где отражалась его длинная, худая фигура, с длинными, как плетя, свисающими вдоль туловища, руками. Изучив свой внешний облик в зеркале, он, глубоко вздохнув, поправил очки.

— А мама занимается в главном зале. Пойдёмте на зрительскую трибуну, оттуда её будет хорошо видно, — говорила Лола, потянув его за руку в боковую дверь.

Выбрав места с хорошим обзором, они сели на скамейку зрительской трибуны. Внизу девочки в трико, разделившись на группы, выполняли гимнастические упражнения с различными предметами. В стороне, на разостланных матах, стояла Сабрина в красном трико и просторной спортивной куртке, накинутой сверху. Её окружали девочки, которые внимательно слушали наставления. Сабрина хлопнула в ладоши, и стайка разлетелась по мату, интенсивно выполняя заданное упражнение.

Юрий Саидович замороженно следил за каждым движением Сабрины. Для него уже не существовало шумное помещение спортзала. Движение рук, поворот головы, движение глаз и каждая линия тела Сабрины сопровождалась в нём лирической мелодией. Влажные глаза его ещё долго были устремлены в сторону Сабрины. Лола о чём-то спрашивала учителя, но он её не слышал. Наконец, почувствовав, что кто-то дёргает его за рукав, обратил свой взгляд на Лолу.

— Юрий Саидович, почему вы со мной не разговариваете и не обращаете на меня внимания? — спрашивала Лола.

— Извини, Лола, я так увлёкся тем, что делается на площадке, — отвечал учитель.

Сабрина показывала следующий танцевальный элемент, сдела-

ла пируэт с булавами и застыла, увидев на зрительской скамейке дочь и Юрия Саидовича. Вернувшись в исходное положение, она попросила девочек продолжать делать упражнение. Лавируя между сидениями, она подошла к ним, искренне радуясь встрече в столь необычных обстоятельствах.

— Вот это сюрприз! Глазам своим не поверила, когда увидела вас... Здравствуйте, Юрий Саидович! — говорила она, одновременно прижимая к себе голову Лолы.

— Вот, мы шли с занятий... И Лола предложила посмотреть, где вы работаете... и мы здесь... Вы извините, если мы вам помешали, — смущался Юрий Саидович.

— Ну что вы, я очень рада вам... Через 10 минут занятия закончатся. Вы меня можете подождать у входа, — отвечала Сабрина.

Они шли втроём и о чём-то весело беседовали. Лола периодически забегала вперёд и подбрасывала папку с нотами, стараясь привлечь внимание к себе.

— Юрий Саидович, а почему вам не зайти к нам на чай, заодно будете знать, где мы живём, — спросила Сабрина.

— Спасибо. Через полчаса у меня урок, но уже скоро обязательно буду у вас. Мы с Лолой договорились, что будем заниматься вечером дома дополнительно. Потому что через год будет прослушивание юных пианистов, а мне очень хочется, чтоб Лола выступила на нём, так как она у меня единственная в классе, кто может по достоинству представить нашу школу, — отвечал он.

Подошёл автобус, учитель попрощался и сел в него.

Лола играла лирическую пьесу из детского альбома. Пластичные руки в такт музыке двигались по клавиатуре, всё её существо было заполнено этой пьесой, лицо передавало внутреннее состояние, навеянное музыкальной темой.

Юрий Саидович внимательно слушал её, не останавливая

творческий порыв, представив возможность полностью выразиться детскому восприятию музыкальной ткани. Прозвучал заключительный каданс, и Лола, словно сожалея, что так быстро закончилась пьеса, опустила руки. Затем начался тщательный разбор произведения.

Подойдя к двери своей квартиры, Сабрина, прежде чем открыть её, остановилась, прислушиваясь к звукам фортепиано, затем осторожно вставив ключ, вошла в квартиру. Весь интерьер был заполнен лихим пассажем фортепиано. Она открыла дверь детской, посмотрела в направлении инструмента и увидела длинные волосы и худую спину Юрия Саидовича. Он что-то говорил Лоле, затем посадил её рядом, сам сел за фортепиано. Сабрина видела его длинные руки, тонкие нервные пальцы музыканта, его одухотворённый профиль, всё это выстроилось в лирическую мелодию, которая звучала в ней и только для неё. Юрий Саидович закончил играть и попросил Лолу повторить пьесу с начала. В этот момент она повернула голову к двери и, увидев мать, по-детски, непосредственно, завизжала от радости. Ничего не поняв, Юрий Саидович в растерянности соскочил со стула и задел рукой статуэтку, которая упала на пол. Он начал поспешно поднимать её, нагнувшись под стул, и тут только обратил внимание на то, что в комнате присутствует ещё один человек.

— Здравствуйте, Сабрина. Вот, мы здесь занимаемся... Видите, уронил статуэтку,— стоя на четвереньках, оправдывался он и окончательно смутился.

На кухне хлопотали втроём, готовя ужин. На Юрия Саидовича Сабрина одела фартук, в котором он выглядел комично, чем развеселил Лолу.

— У каждого человека есть хобби. У меня хобби — это кухня. Я очень люблю готовить и получаю от этого удовольствие. К приготовлению любого блюда я подхожу творчески. Добавляя или исключая какой-либо компонент, из знакомого блюда можно

получить новый вкусный оттенок,— объяснял Юрий Саидович.

— Да вы просто находка для женщины. И как это вы до сих пор ходите в холостяках? — спрашивала Сабрина.

— Я был женат. Можно сказать, даже полюбил... Но нас хватило только на год. Я тогда учился в консерватории. Естественно, материальные дела мои были в плачевном состоянии, да и вся бытовая неустроенность... Все эти факторы развалили наши чувства. Думаю, они не были настолько сильны, чтобы противостоять всем этим испытаниям... И она ушла... к более обеспеченному. У неё сейчас дети. И, по-моему, она счастлива.

— Почему у вас такое странное отчество? Я что-то такого сочетания не слышала,— спросила Сабрина.

— Это длинная история. Следствие Великой Отечественной войны. У моего отца был очень близкий фронтовой друг Саид Рахимов. Они с отцом дошли до Берлина, и в самые последние дни войны Саид Рахимов погиб, спасая моего отца... И вот, мой отец, в память о нём, носил его имя... — тихо повествовал Юрий Саидович.

Все загрузили. И только тиканье часов нарушало траурное молчание. И когда тиканье достигло по звучанию накала наковальни, Сабрина прервала его, предложив сыграть что-нибудь на фортепиано.

Юрий Саидович, сняв фартук, прошёл к инструменту, сел на вертящийся стул. Когда он коснулся пальцами клавиатуры, началось волшебство: ми-бемольный ноктюрн Шопена растекался по всему интерьеру квартиры, заполняя каждый её уголок, и возвращался к его слушателям, проникая в каждую клетку организма, обнажая его нервы для восприятия чарующей мелодии. Игра была вдохновенной и, по окончании её, ещё долго стояла тишина, потому что каждый был под впечатлением услышанного. Юрий Саидович повернул голову в сторону Сабрины и увидел её влажные глаза, которые ответили ему долгим взглядом.

А потом сидели на кухне и пили чай. Сабрина и Юрий Саидович,

оторвав глаза от чашки, то и дело наталкивались на пристальный взгляд друг друга и тут же опускали их в исходное положение.

Лола многозначительно смотрела то на мать, то на учителя, продолжая с аппетитом поедать торт.

Юрий Саидович посмотрел на часы и засуетился.

— Я кажется, засиделся. Как говорят, пора и честь знать. Да и дома мать не предупредил,— говорил он.

Сабрина с Лолой проводили его до порога и тепло распрощались с ним.

— Мама, а тебе нравится Юрий Саидович? — спросила Лола, возвращаясь на кухню.

Мать посмотрела на неё и улыбнулась своим мыслям.

— Быстро мойся и спать, а то тебе завтра рано вставать.

— А можно я ещё немного посмотрю телевизор?

— Нет, доченька, быстро спать.

Когда за Лолой закрылась дверь детской, Сабрина прошла на кухню, открыла дверцу шкафа, налила себе коньяк. С бокалом в руке села за стол и погрузилась в свои мысли, прихлёбывая из бокала. Через некоторое время, повертев в руках пустой сосуд, она быстро подошла к шкафу, налила себе и выпила до конца, затем так же быстро вышла из кухни, выключив за собой свет.

Было солнечное утро. Сабрина открыла глаза с ощущением душевной лёгкости. Лола собиралась в школу, мурчала очередную мелодию. Мать прислушалась к пению дочери. И уютная теплота разлилась по её телу. Понежившись под одеялом, она вновь закрыла глаза.

Юрий Саидович во фраке, высокий и элегантный, стоял на возвышении. Со всех сторон неслись аплодисменты, к его ногам падали букеты цветов. Он садится за рояль и сопровождает вольные упражнения в её исполнении. Вновь раздаются аплодисменты. Звучит голос диктора: «Вольные упражнения исполняет Сабрина

Фёдорова». Сабрина разбегается. Делает двойное сальто и фиксирует его в эффектной позе. Юрий Саидович продолжает играть, сопровождая виртуозное выступление Сабрины, и уже она стоит на пьедестале. Юрий Саидович аплодирует ей. Гром аплодисментов. В это время резко зазвонил телефон. С закрытыми глазами она нащупала трубку и поднесла её к уху.

— Вас слушают, — хрипло ответила Сабрина.

— Сабрина... Здравствуйте!

— Здравствуйте, Юрий Саидович, — очнувшись, через мгновение взволнованно ответила она.

— Извините, что так рано вам звоню. Вы сегодня вечером не смогли бы с Лолой прийти к нам в гости? Я хотел, чтобы вы посмотрели, как мы живём... И моя мать очень хочет познакомиться с Лолочкой и вами.

— Но мы не знаем, где вы живёте.

— А я вас встречу в 7 часов у филармонии.

— Хорошо, Юрий Саидович, мы с Лолой придём...

— Ну, тогда до вечера?

— До вечера.

Сабрина положила трубку, некоторое время стояла задумавшись. Затем, напевая и на ходу снимая сорочку, прошла в ванную, встала под душ, продолжая напевать популярную песенку.

— Мама, кто звонил? — спросила Лола, подойдя к двери ванной.

— Звонил Юрий Саидович и пригласил нас с тобой сегодня вечером в гости к себе домой. Так что к вечеру приготовь своё лучшее платье.

— Ура-а-а-а! — закричала Лола и, попрощавшись с мамой, побежала в школу.

Из ванной Сабрина вышла раздумчивая, прошла на кухню, взяла со стола кусочек хлеба и задумчиво начала жевать. Взгляд остановился на дверце шкафа, она открыла его, посмотрела на

бутылку коньяка и резко закрыла дверцу.

Юрий Саидович в фартуке суетился у себя на кухне, готовя ужин для гостей. Со знанием дела он сервировал стол и позвал мать, чтобы она могла оценить его искусство.

— Мама! Иди, посмотри на стол.

Из соседней комнаты на коляске выехала мать. Это была седая женщина, с умным приветливым лицом и с выразительными, как у сына, глазами. Она с участием посмотрела на него, затем перевела взгляд на стол.

— Да, сынок, стол ты сервировал на славу. Как в лучших ресторанах.

Юрий Саидович ещё раз окинул взглядом стол. Взглянул на часы и заторопился.

— Ой! Я уже опаздываю.

Быстро снял фартук, причесал волосы и оглядел себя в зеркале критическим взглядом.

— Сынок, подойди ко мне,— попросила мать.

Она склонила голову подошедшего сына, поцеловала её и мягко провела рукой по щеке.

— Иди... Не волнуйся.

У здания филармонии взволнованно ходил Юрий Саидович, периодически поглядывая на часы. Наконец из-за угла здания появляются Сабрина с Лолой. Юрий Саидович бросается им навстречу. Они о чём-то говорят, затем идут по направлению к дому.

Интерьер двухкомнатной малогабаритной квартиры. Тесная прихожая, в которой раздеваются прибывшие гости. Хозяин помогает раздеться им и приглашает в зал. В зале стоял маленький кабинетный рояль с разбросанными на нём фортепианными клавирами выдающихся мировых классиков.

— Садитесь вот сюда,— говорил хозяин, усаживая Лолу

и Сабрину в кресло. — Сейчас я вас познакомлю с мамой. Мама, к нам пришли гости.

Из другой комнаты мать Юрия Саидовича выкатила свою коляску. Лола подбежала к ней и, поздоровавшись, поднесла гвоздики, в свою очередь та, наклонив голову Лолы к себе, поцеловала её волосы.

— Я знаю, тебя зовут Лола. Мне о тебе говорил Юрий Саидович.

— Мама, а это Сабрина, — застенчиво кивая в её сторону, говорил Юрий Саидович.

Сабрина медленно подошла к женщине и встала перед ней, опустив голову. Женщина смотрела на неё долгим, умным, изучающим взглядом, и, видимо, её удовлетворило визуальное знакомство с будущей невесткой.

— Очень рада познакомиться с вами, Сабрина. Мне Юра о вас тоже говорил очень много и, открою секрет, мне казалось, в последнее время для него весь мир состоит из вас и вашей дочери... Приглашай гостей к столу, Юра, — обратилась она к сыну.

Все вошли в кухню. Сабрина взглядом оценила кулинарное творчество Юрия Саидовича и одобрительно посмотрела в его сторону. В ответ он от смущения начал топтаться на месте, затем бросился рассаживать гостей.

Мать подкатила свою коляску к столу, видимо, у неё было за ним определённое место.

Ужинали все молча. Только молчаливый квартет взглядов и улыбок.

— Ваш сын вкусно готовит, — отметила Сабрина.

— Когда после смерти отца я лишилась ног, ему пришлось многому учиться по хозяйству. К счастью, у него нет отвращения к кухне, как у других мужчин.

— Юрий Саидович, а можно я послушаю музыку? — спросила Лола.

— Конечно, идём в зал. Я тебе поставлю ноктюрн Шопена.

Когда ты будешь большая, то обязательно полюбишь этого великого музыканта, — говорил он, выходя с Лолой из кухни.

Через некоторое время послышались чарующие звуки до диэз-минорного ноктюрна Шопена. Послушав какое-то время музыку, мать обратилась к Сабрине:

— Юра очень привязан к Лоле... А если честно, ещё больше привязан к вам. Вы должны понимать меня как женщина женщину, любая мать хочет счастья своему ребёнку. Юрию уже за 35, а для меня он всё ещё ребёнок. Я переживаю с ним каждую его удачу и неудачу и очень радуюсь, что он тянется к вам. После того, как его оставила жена, Юра замкнулся, ушёл в себя, стал избегать женщин. Вы знаете, он до неузнаваемости изменился, стал живо интересоваться всем, что происходит вокруг. А раньше у него была только музыка... У него очень серьёзные намерения к вам, и если вы его оттолкнёте, наверно, он уже никогда не сможет построить семью... Вот видите. Я уже перешла к основному вопросу. Юра очень стеснительный и никогда не сможет признаться вам в любви. Когда заговариваю о вас, он сразу начинает тушеваться, робеть и уходит от разговора. Но поверьте, если вам нужен преданный, любящий друг, то всё это найдёте в лице Юры. Он будет и заботливым отцом Лолочке... Не говорите сразу «нет»... Подумайте. Естественно, положительный ответ должен исходить от вас не из чувства жалости и сострадания... Подумайте, Сабрина.

— О чём вы здесь, мама? Сабрина, вы не очень утомились? — спрашивал Юра, войдя в кухню.

— Нет, что вы, Юрий Саидович. У вас такая хорошая мама! — отвечала Сабрина, глядя на неё влажными глазами.

А потом в ЗАГСе стояли счастливая Сабрина в свадебной фате и элегантный Юрий Саидович, серьёзный и сосредоточенный. Поздравления друзей, улыбки... цветы...

Интерьер квартиры Сабрины. Многие фотографии исчезли со «стенки». Их место заняли фотографии из свадебной серии с Юрой... Утро. Лола в ванной сопровождает свой туалет новой мелодией. Юрий Саидович хлопочет на кухне, готовя завтрак.

Спящая Сабрина. Солнечные блики играют на её лице. Она открывает глаза, прислушивается к пению Лолы, к звону тарелок на кухне и счастливо улыбается. Подтянувшись, отталкивается от постели и, сделав пируэт, становится на ноги. И уже вся семья хлопочет на кухне, расставляя тарелки.

Молча завтракают. Лола с Юрием Саидовичем, попрощавшись, уходят. Сабрина сложила тарелки в мойку и подошла к шкафу. Постояв около него, открыла дверцу. На неё призывно смотрела конычная этикетка. В голове начался невообразимый шум, который с каждым мгновением всё усиливался. Сабрина резко захлопнула дверцу и закрыла лицо руками. Шум мгновенно прекратился.

Юрий Саидович занимается с Лолой у фортепиано, разбирая с ней очередную пьесу. Хлопает входная дверь. Наступает гнетущая тишина. Лола и Юрий Саидович медленно поворачивают головы в сторону двери... Юрий Саидович смотрит печальным взглядом, а Лола со слезами на глазах.

— Ну и что... я немного выпила... Что, я не имею права посидеть с друзьями и выпить? — пьяно говорила Сабрина.

Лола молча отвернулась, а Юрий Саидович, устремившись к ней, взял под руку.

— Сабрина, где это ты опять была?.. Понимаешь... Лолочка так переживает.

— Я же говорила... с друзьями... и прошу тебя не думать обо мне плохо... Я просто, наверно, тихая пьяница, — игриво говорила она.

Юрий Саидович бережно отвёл её в спальню, раздел и уложил в постель.

— Я наверно не заслуживаю тебя, Юра, — пьяно пробормотала она и через мгновение уснула.

Печальные глаза Юрия Саидовича ещё долго смотрели на спящую Сабрину. Затем, выключив свет, он вышел из спальни. Подошёл к детской двери, прислушиваясь некоторое время. Тихо. Лола лежала лицом к стене. И её острые детские плечики вздрагивали от рыданий.

Утром Сабрина открыла глаза с подсознательным чувством тяжести на душе. Сухость во рту и головная боль вызывали гнетущее состояние. Она вновь закрыла глаза и отвернулась, дабы собраться с мыслями, но они растекались при малейшем напряжении памяти. На кухне позванивала посуда. В ванной шумела вода. Приглушённое радио передавало очередное спортивное обозрение. Лола вышла из ванной, молча прошла в детскую и через некоторое время одетая и не по-детски сосредоточенная, села за стол.

Юрий Саидович с Лолой молча завтракали на кухне, затем, взяв свои сумки, вышли из квартиры.

Услышав стук двери, Сабрина встала с постели и прошла в ванную. Открыв холодную воду, она надолго припала к крану. Холодная вода приносила облегчение и ясность в сознании. Потерев ладонями виски, она как была в нижнем белье, прошла на кухню. На столе стоял её завтрак, прикрытый салфеткой, под ней было её любимое блюдо — оливье с зелёным горошком.

Сабрина с задумчивостью и неохотой ела на кухне холодный завтрак. Резко зазвонил телефон. Она вздрогнула, некоторое время не могла сообразить, что делать, затем, поспешно встав, взяла трубку.

— Алло!.. Сабрина? Доброе утро, любимая! Тебе понравилось, как я приготовил оливье? Или ты не ела?

Сабрина некоторое время молчала, на глаза навернулись слёзы, спазмы в горле не давали произнести ей слово.

— Сабрина, что с тобой? Почему ты молчишь? — волновался Юрий Саидович.

Наконец, пересилив себя, она ответила:

— Я тебя слышу, Юра... Дорогой мой человек... Я конечно поела... было очень вкусно... Юра... Я люблю тебя.

Сабрина не могла больше говорить и, бросив трубку, зарыдала: «Боже мой, что это со мной! Какая я неблагодарная свинья».

Вновь зазвонил телефон. Несколько успокоившись, она взяла трубку.

— Да.

— Сабрина, почему ты бросила трубку? Что с тобой?

— Мне стыдно, Юра... Ну хоть бы ты обругал меня. Или побил что ли.

— Не говори глупости, Сабрина. Я сегодня на вечер взял три билета на концерт камерной музыки с очень интересной программой, тебе понравится.

— Хорошо, Юра. Я буду к вечеру готова.

— Мы с Лолой прямо из школы пойдём на концерт. В 6 часов будем ждать тебя у входа в филармонию. До вечера...

Сабрина в задумчивости подержала трубку в руках, затем медленно её положила.

У входа в филармонию на ступеньках стояли Юрий Саидович с Лолой. К подъезду подкатило такси, из него вышла элегантная Сабрина и тут же поспешила к ним.

— Я не опоздала? — произнесла она дежурную в таких случаях фразу.

— Да нет. Есть ещё время... Наверно, даже успеем поесть мороженое, — ответил Юрий Саидович, направляясь ко входу.

Пианист вдохновенно играл сонату Моцарта. Его слушали лица любопытные, внимательные, сосредоточенные, скучающие. Всю эту гамму восприятия наблюдала Сабрина. Затем она переводит

взгляд на Юрия Саидовича. При виде его сосредоточенно-одухотворённого профиля у неё защемило сердце. Ей казалось, что он сопереживает с исполнителем каждую музыкальную фразу. Все нюансы непосредственно отражались на его лице. Периодически он наклонялся к Лоле и что-то ей пояснял, в ответ она утвердительно кивала головой.

Длинные нервные пальцы Юрия Саидовича иногда подёргивались и двигались в ритме музыки. Сабрина с теплотой посмотрела на его пальцы, и её руки невольно потянулись к его рукам. Через мгновение эмоциональная музыка уже была аккомпанементом любовного дуэта их рук. Так до конца пьесы они сидели, взявшись за руки, глядя друг на друга влажными глазами, и только аплодисменты вернули их к реальной действительности.

Сабрина подошла к спорткомплексу, когда рядом с ней, взвизгнув тормозами, остановилась машина.

— Здравствуй, Сабрина! — произнёс Миша. — Я звонил несколько раз вам домой, но там никто не поднимает трубку.

— У меня уже две недели телефоны не работают, — ответила она.

— Борис вернулся! Сегодня он собирает друзей в ресторане.

Сабрина, вздрогнув, остановилась. Паника охватила её. Она взволнованно заметалась.

— А он знает, что я замужем?

— Он знает всё. Тем не менее, просил заехать за тобой, потому что ты была и есть его друг. Здесь нет ничего предосудительного. Он сам набирал несколько раз твой номер, чтобы пригласить и твоего мужа... Ну... Как быть?

— Хорошо, я подойду к 8 часам к ресторану, только ты меня обязательно встречай у входа, — сказала она и быстро вошла в подъезд.

Сабрина, эффектно одетая, шла по аллее. Прохожие мужчины оглядывались, окидывая её восхищённым взглядом. Она медленно подходила к ресторану. В голове нарастал шум, раздавались крики, свист, аплодисменты. Труден был разбег, ноги были тяжёлыми, будто к ним были привязаны гири. С невероятными усилиями ей приходилось отрывать от земли каждый шаг. Впереди виднелись разновысокие брусья... ещё шаг... ещё... Она протянула руки, чтобы схватить нижний брусок... В это время машина завизжала тормозами, и ругань водителя вернула её к действительности.

— Что тебе, шалава, жизнь надоела?! — кричал он.

Но она его уже не слышала и быстро перебежала на другую сторону. У входа в ресторан Миша ослепил её улыбкой с белыми зубами.

— Все ждут. Без тебя не начинают... Борис сейчас сам лично руководит сервировкой стола, — говорил Миша.

Сдав накидку, Сабрина прошла в гудящий зал. Лавируя между столиками, она продвигалась в дальний угол, где обычно проводились вечеринки. Навстречу ей шёл Борис, несколько похудевший, с пордевшим волосом и сединой на висках. Он шёл, протянув руки, но странно: она не чувствовала ни волнения, ни трепета. Сабрина по-разному представляла эту встречу, но не так. Подойдя к ней, он поздоровался, взял под локоть и поцеловал в висок.

— Я уже три недели на свободе. Звоню тебе, телефоны не отвечают. Несколько раз подъезжал к месту работы, но как-то не заставал тебя, — говорил он.

Сабрина села на выдвинутый стул. Миша, осветив всех белоснежной улыбкой, пригласил приступить к застолью. Борис изучающе смотрел на Сабрину, но она упорно не отвечала на его взгляды, стараясь выглядеть весёлой, но нервное напряжение ощущалось во всём её смехе, движениях. Высокий брюнет произнёс здравицу в честь Бориса, все выпили, предварительно подходя к нему и чокаясь бокалами. Самые близкие друзья целовались

с ним. Повернувшись к Сабрине, Борис спросил:

— А ты меня не хочешь поцеловать?

Сабрина коснулась губами его лица, холодным поцелуем и выпила бокал шампанского до конца. Выпитое сняло напряжение, все вокруг заговорили разом.

— Борис, ты уже знаешь, что я замужем. Скажу тебе больше, мне повезло,— говорила Сабрина.

— Ты счастлива?

— Да. Очень!

— Я рад за тебя... Искренне... Мне вот не повезло. Но никого не виню. Виноват во всём сам. Но поверь, за все эти годы, которые провёл в заключении, многое пришлось передумать. Времени было достаточно. И, честно говоря, своё будущее я связывал с тобой. Действительно, большое познаёшь на расстоянии.

— Давай выпьем, Борис. Мне кажется, тебе тоже повезёт и ты ещё встретишь подругу жизни.

В ответ он вопросительно пожал плечами.

Юрий Саидович сидел у пианино и что-то пояснял Лоле. Затем, посмотрев на часы, сказал:

— Уже 9 часов, давай, Лолочка, ужинать. Мама сегодня задерживается, она звонила мне и сказала, что у неё собрание.

Лола молча встала из-за инструмента и прошла на кухню. Ужин был гнетуще молчалив, и только радио продолжало, не смотря ни на что, свои оптимистические передачи.

Оркестр играл свои популярные танцы. Сабрина самозабвенно танцевала и, как-то само собой получилось, что она стала солисткой. Танцующие сделали круг, и она продолжала свой танец под хлопанье в ладоши. Музыка кончилась, все зааплодировали ей. Борис, взяв Сабрину под локоть, повёл к столу и, разлив по бокалам шампанское, произнёс очередной тост.

Все дружно выпили.

Юрий Саидович с Лолой смотрели телевизор.

— Лола, тебе пора спать. Я ещё подожду маму, а потом пойду её встречать, — говорил он.

Лола молча встала и прошла в детскую. Юрий Саидович посидел ещё некоторое время, затем, выключив телевизор и одев плащ, вышел. Был тёплый осенний вечер. Накрапывал мелкий дождь. Постояв немного у перекрёстка, он остановил такси.

— Пожалуйста, к бару «Ретро», — попросил он водителя и углубился в свои мысли.

А застолье продолжалось. Сабрина что-то рассказывала, все смеялись. После очередной здравицы были выпиты до дна очередные бокалы.

Такси остановилось у бара «Ретро». Расплатившись с водителем, Юрий Саидович вышел на освещённую ярким светом улицу. У входа в бар толпилась молодёжь, желающая попасть в зал. Объяснившись со швейцаром, он зашёл в залитый неоновым светом бар. Постоял с минуту, окидывая взглядом весь зал и столики. Сабрины здесь не было. Потом он выходил из такси у очередного ресторана, оглядывал интерьер и подгулявших посетителей и, не найдя Сабрины, продолжал путь к следующему ресторану.

Длинный, похожий на зал ожидания ресторан. Юрий Саидович проходит через зал, задевая танцующих. Лавируя между столиками, приближается к компании, среди которой он ещё издали увидел Сабрину. Она сидела, держа в одной руке сигарету, в другой — бокал с шампанским. Такой её Юрий Саидович ещё никогда не видел. Закинув ногу на ногу, облокотившись на спинку стула, она с наигранным вниманием слушала очередную байку Миши, готовая взорваться нервным смехом. Юрий Саидович остановился вблизи стола, не зная, как ему поступить дальше. После очередного взрыва

смеха Сабрина повернула голову и пьяно зафиксировала своим взглядом своего супруга. Они некоторое время смотрели друг на друга, затем Сабрина, развязно подойдя к нему, обратила на него внимание компании.

— О-о-о! Познакомьтесь, это мой муж Юра, — наигранно, словно на арене цирка, произнесла она.

— Сабрина, уже поздно, идём домой. Я очень прошу тебя, — говорил он, смущённо озираясь по сторонам.

— Нет, я не хочу домой. Сначала я должна познакомить тебя со своими друзьями, — говорила она, обходя с Юрием гостей и знакомя его с ними.

— Садитесь, Юрий Саидович, выпейте с нами, — пригласил Борис.

— Нет, спасибо, я не пью, — поспешно ответил он. — Сабрина, я тебя очень прошу, идём домой. Там Лолочка осталась одна.

— Лола у меня взрослая и умная девочка... А вот ты, Юра... Ну что ты ходишь за мной? Кто тебя просил приходить сюда?.. Вот... посмотрите на него, образцово-показательный муж. Он даже жену свою отыскивает в ресторане... Ты, наверно, и ужин для меня приготовил, и лежит он на кухне под салфеткой?

— Да, — растерянно ответил он.

— Ну вот, видите, меня дома ждёт ужин. А может все пойдём ко мне? Юра большой кулинар.

— Сабрина, уже поздно. Идём домой, а гостей пригласим в следующий раз.

— Вот видишь, какой ты негостеприимный, — пьяно говорила она.

— Извините, мы пойдём, — говорил Юра, ведя под локоть супругу к выходу.

Выйдя на дорогу, он стал «голосовать» одной рукой, другой поддерживая Сабрину. Одна из машин остановилась.

— Куда? — спросил водитель.

Юрий Саидович назвал улицу.

— Сто пятьдесят.

Юрий Саидович помялся, но, видя состояние Сабрины, согласился и сел в машину, предварительно, бережно посадив супругу. В машине она обмякла и, облокотившись на мужа, уснула.

— Жена, что ли? — спросил водитель.

— Да, жена.

— Зачем вы разрешаете ей столько пить? Женщина очень быстро привыкает к алкоголю, потом хлопот не оберёшься, — глубокомысленно излагал водитель.

В ответ Юрий Саидович повёл плечами, ничего не ответив. Машина подъехала к дому. Расплатившись с водителем, он стал тормозить Сабрину, но она крепко спала. Выйдя из машины, он бережно взял на руки бесчувственное тело и скрылся в подьезде. Водитель посмотрел им вслед, неодобрительно покачав головой.

Юрий Саидович осторожно нёс Сабрину, преодолевая ступеньку за ступенькой. Подойдя к двери, он прислонил её к стенке. После некоторых попыток достал ключ из кармана и вставил его в замочную скважину. Открыв дверь, он поднял Сабрину на руки и осторожно переступил порог квартиры. В дверях детской стояла Лола и с круглыми от ужаса глазами смотрела на мать и Юрия Саидовича: «Мамочка! Мамуля! Она умерла!» — причитала Лола, суется вокруг них. Сабрина пьяно пролепетала что-то во сне. Поняв всё, Лола тут же смолкла, черты лица её стали жёсткими. В гнетущей тишине, опустив плечи, она пошла в детскую. Остановившись на пороге своей комнаты, Лола повернулась в сторону лежащей на руках Юрия Саидовича матери. Лицо её исказилось неестественной гримасой и, закричав: «Не-на-ви-и-жу!» — захлопнула за собой дверь.

Пройдя в спальню, Юрий Саидович положил Сабрину на кровать и начал медленно её раздевать, переворачивая с боку на бок безвольное тело. Раздев, он накрыл её одеялом и сел на

край кровати. Долго ещё глядел Юрий на сонное лицо Сабрины, глядя её шелковистые волосы, разбросанные по подушке. Скупые мужские слёзы редкими каплями скатывались по его лицу.

Словно от толчка, Сабрина открыла глаза. Было раннее утро. Рядом со скорбным лицом спал Юра. Тошнота волнами захлёстывала её сознание. Головная боль и сухость во рту напоминали ей о большой дозе выпитого спиртного. Полежав некоторое время с закрытыми глазами, она с трудом встала и прошла в ванную. С наслаждением подставляя тело под хлёсткие струи душа, она изучала своё отражение в зеркале.

Обтеревшись полотенцем, Сабрина рассматривала черты своего лица. Взгляд скользил по лбу, бровям, от щёк опустился к губам и шее. Тяжело вздохнув, она прошла на кухню, вскипятила воду и в задумчивости начала пить чай, затем прошла в спальню и села на кровать со стороны Юрия. Взгляд её скользил по его глазам, носу, губам и опустился к рукам, которые лежали поверх одеяла. Сабрина припала губами к его длинным пальцам, и плечи её ещё долго вздрагивали от рыданий.

В полной тишине Лола собиралась в школу. Юрий Саидович положил в её сумку завернутый в целлофан завтрак и поцеловал в висок. Лола пошла к двери, не взглянув на мать.

— Лола, скажи маме «до свидания», — попросил Юрий Саидович.

Лола остановилась, посмотрела в сторону Сабрины печальными глазами и, не сказав ни слова, вышла. Сабрина смущённо вертела в руках чашку, опустив вниз голову.

— Сабрина, мне надо с тобой поговорить. Ты очень часто стала употреблять спиртное. Я не пойму, откуда у тебя эта тяга. Пойми меня правильно, ты не думай, что я буду устраивать тебе сцены ревности за вчерашний день. В конце концов, наши отношения строятся на полном доверии, и я тебе доверяю. Но у тебя тяга принимает хронические формы, а это может кончиться трагически.

Лола стала нервной, плохо занимается. Она уже со страхом ждёт тебя вечером. Боится, что ты придёшь в состоянии алкогольного опьянения. Это сильно давит на психику ребёнка, не говоря уже обо мне... Ты можешь развалить семью. Неужели ты об этом не задумываешься?

— Нет! Нет! Не говори так! Я всё понимаю. Я знаю, что мне нельзя пить. Я даже не понимаю, как это всё получается.

— Но если у тебя непреодолимая тяга, давай обратимся к врачу. У меня есть хороший друг-нарколог, он прервёт эту тягу и проведёт курс лечения,— предложил Юра.

— Нет! Я должна сама перебороть, я знаю, что всё зависит от меня... Я должна взять себя в руки... Юра... Я люблю тебя,— захныкала Сабрина.— Вот посмотришь, я больше не притронусь к спиртному,— говорила она, обнимая супруга.

— Сабрина, что бы ни было, я буду бороться за тебя до конца, потому что ты с Лолой — самые дорогие мне люди... Ну вот... Инцидент исчерпан... Вытри свой мокрый нос,— сказал Юра, целуя её заплаканные глаза.

— Да... Звонила моя мама, спрашивала тебя. Ты сегодня зайди к ней, посмотри, что ей нужно по хозяйству. Скоро она уже переедет к нам. У нас с тобой прибавится забот.

Сабрина потёрлась о грудь Юрия и застыла в приятном оцепенении.

Была глубокая осень. Сабрина вечером возвращалась с работы, в задумчивости помахивая спортивной сумкой. Мимо неё промчались две машины и, завизжав тормозами, остановились. Из первой машины, открыв дверцу, вышел Борис.

— Сабрина! — позвал он, помахивая ей руками.

Она остановилась. Недалеко стояли Борис и Миша с ослепительной улыбкой. Из второй машины любопытствующие головы были повёрнуты в её сторону.

— Сегодня у Миши круглая дата — тридцать лет. Вот собрались небольшим коллективом отметить... Ты не имеешь права в такой знаменательный день бросать своих друзей. Поехали с нами, немного развлечёшься... Буквально на часик, а потом тебя привезут домой, — уговаривал Борис.

— Да, я тебя очень прошу. Не отказывайся, — упрашивал Миша.

Сабрина в нерешительности стояла недалеко от машины, затем сделала движение в её сторону... Разбег был долгим. Каждый шаг давался с большим трудом, а до брусьев ещё бесконечно далеко... Но вот он — брусок... Сейчас, надо оттолкнуться толчковой ногой... Но как тяжело отрываются ноги... Она вцепилась в брус руками... сделала мах, и тело её взметнулось вверх... Расширенные от ужаса глаза Сабрины. Долго бежал тренер к месту её падения... Уже бежали санитары с носилками, спешил врач в белоснежном халате, и ещё долго звучала сирена «скорой помощи».

КОНЕЦ

Геннадий Александров
Колесо судьбы
(Киноповесть)

Подписано в печать 15.02.2018 г.
Формат набора 60x84/16. Бумага офсетная.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 6,86.
Заказ № 325. Тираж 130 экз.

Вёрстка К.В. Рогозина
Корректор Н.А. Белявцева

Отпечатано в
АО «Воронежская областная типография»
394071, г. Воронеж, ул. 20-летия Октября, 73а